

НАДЕЖДА МАМАЕВА

КРЫЛЬЯ К РЕЗЮМЕ
ОБЯЗАТЕЛЬНЫ!

Надежда Николаевна Мамаева

Крылья к резюме обязательны!

Серия «Хищники наших дней», книга 3

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69434359

Аннотация

Если из-за голодного обморока оказалась за бортом судна в вечернем платье – это нервирует.

Если на защите дипломной работы среди членов комиссии увидела того, кто спас тебя и кому своим падением в холодную воду ты сорвала слезку, – это бесит.

Если выясняется, что этому типу нужен специалист-артефактор, знающий толк в провокациях и способный с легкостью вызвать нервный срыв, отряд законников и потоп, – это грозит катастрофой. Для шпионов, которых нам с надменным, властным и расчетливым агентом Схинской империи нужно вычислить как можно скорее.

Сможем ли мы разоблачить заговор ренегатов и разобраться в хитросплетениях политических интриг? Ведь они столь же запутанные, как наши с напарником отношения...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	51
Глава 3	80
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Надежда Мамаева

Крылья к резюме обязательны!

Глава 1

«Стоит лишь разок оказаться в собственном гробу – и сразу смотришь на жизнь под другим углом», – это было единственным, о чем я успела подумать перед тем, как спазм сжал горло. Из рта вырвалась стайка пузырьков и устремилась к поверхности. А я, наоборот, начала опускаться на дно.

Нет, в домовине я еще не лежала, но если так пойдет и дальше, то совсем скоро могу очутиться именно в ней. А все потому, что мои мышцы свела судорога. Вода залива была не столь холодной, чтоб превратиться в крепкий лед и тем самым не дать мне уйти под него. Но она оказалась и не столь теплой, чтобы я не превратилась в труп от переохлаждения.

Уже практически ничего не чувствуя, дотянулась до браслета-артефакта на правом запястье, чтобы активировать. Пальцы соскользнули. И сил на вторую попытку не было. Вокруг чернильным пятном расплылась абсолютная тьма. И холод.

А принимала я эту нецелебную обмораживающую ванну

по вине диеты. Высокоэффективной, гремлины ее дери: когда сутками ничего не ешь, а если готова потерять сознание, то допускается откусить раза два от курогруды на пару. Неделя на таком питании – и талия объемом в полтора яблока, если утянуть ее как следует. А хочу ли я иметь эту самую тонкую талию и быть втиснутой в утягивающее белье, а по факту – пыточное приспособление, никто не спрашивал.

И вот сейчас это фтырхово белье выдавливало из моих легких остатки кислорода, а юбка-колокол тянула на дно не хуже корабельного якоря. Я почти окоченела, но... Демоны раздери! Умирать вот так, в каком-то шаге, точнее, в нескольких днях, что отделяли меня от *свободы*, той, что не эфемерная, календарная и знаменует совершеннолетие, а настоящей, какую получает каждый дипломированный маг, я не хотела.

Словно ломая задеревеневшие мышцы, невероятным усилием шевельнула пальцами, пытаюсь вновь дотянуться до спасительного артефакта, и... Почувствовала, как чьи-то руки тянут меня вверх. Рывками, словно я какая-то медуза. Причем, судя по усилиям, неподъемная.

А в следующий миг я почувствовала, что лишилась нижней половины своего платья, а за ней и сознания.

Очнулась я оттого, что мои легкие разрывались. Такое ощущение, что по гортани прокатился сгусток первородного огня, чтобы растечься по груди и переплавить ребра. Я закашлялась, резко распахнула глаза, и меня тут же повернули на бок.

Когда я смогла сама нормально дышать и вновь бессильно откинулась на спину, то увидела того, кто склонился надо мной. Дракона.

А кто еще может смотреть на тебя глазами цвета расплавленного золота, с вертикальными и чуть суженными по цен-

тру, словно вытянутые песочные часы, зрачками. Прибавить к этому скулы, на которых стремительно исчезал затейливый рисунок из чешуек... Мой взгляд скользнул чуть в сторону, на выбритые виски. Они контрастировали с длинными волосами, что были собраны на затылке в пучок. С последнего сейчас стекала вода. Из-за нее мокрые пряди казались мне беспросветно черными. Хотя... одна все же была светлой, словно... седой? И это несмотря на молодое лицо.

В луче фонаря блеснул ряд колечек, которыми был украшен хрящик уха моего спасителя.

– Жива? – хрипло спросил дракон, неотрывно глядя мне в лицо, будто пытался... запомнить? Идентифицировать?

Я вдруг поняла, что лежу почти голая на нижней палубе судна. Ну не считать же за полноценную одежду оставшийся от платья лиф, тонкие чулки и нижнее белье, что едва прикрывало то место, на которое я сегодня себе нашла неприятностей. А надо мной при этом нависает натренированное мужское тело, рельеф мышц которого не сильно-то и скрывают разодранная, намокшая тонкая мужская сорочка и брюки.

На верхней площадке вовсю играла живая музыка, а под теплозащитным куполом веселились гости, если можно назвать светский раут, где даже обмороки по протоколу и в строго отведенное время, весельем.

От него-то я и сбежала менее четверти часа назад, когда почувствовала, что еще немного – и я нарушу этот самый

фтырхов этикет и грохнусь посреди великосветской толпы не изящно, отрепетированно и грациозно, как подобает наследнице древнего аристократического рода, а совершенно по-простецки. Еще и гулко головой о доски палубы припе-чатаюсь.

Хотела немного подышать воздухом, побыть в тишине, освежиться. И освежилась. Вся. Будет вопиющий скандал, если меня сейчас кто-то застанет в столь неподобающем виде, позе и компании.

И тут, словно вторя моим мыслям, откуда-то сбоку разда-лось приглушенное:

– Сэм, снимай! Это будет сенсация!

И тут же меня ослепила вспышка чарографа.

Что делает каждая приличная девушка, которую не ожи-данно застают в пикантный момент? Правильно, старается прикрыться. Неприличная – принять позу поэфффектнее. А я... была внезапной. Магию призвала на реффлексах, и... В сторону незадачливого оператора полетело сразу два пуль-сара.

А после того как чарокамера взорвалась, вездесущие па-парацци использовали самый доступный стрессосниматель – мат.

Именно его звуки придали мне сил, энтузиазма и ускоре-ния. И не только мне.

– Бежим, пока остальные не налетели! – выдохнул дракон.

Причем на этот раз я заметила, что слова звучали с лег-

ким, еле уловимым акцентом. А еще уловила аромат лесного ореха и зимнего аниса, исходивший от незнакомца. Запах был едва ощутимый, перемежавшийся с душком от водорослей и мутной взвеси вод залива.

Сын неба не встал, а каким-то одним слитным молниеносным движением перетек в вертикальное положение и рывком за руку поднял меня с палубы.

Тело еще не успело согреться, и я двигалась рывками, как марионетка. Не бурли во мне магия, наверняка не смогла бы сделать и шагу, а так, упрямо разгоняя силу по венам, зажигая все пять кругов дара, что у меня были, я заставляла свои мышцы работать.

С каждым шагом это удавалось все лучше. Правда, от дракона я в забеге на пару шагов поотстала и... подумала, что это знак. А свыше или ниже – какая, к демонам барьера, разница? Решила, что на ближайшем повороте юркну в противоположенную от дракона сторону. Нехорошо, конечно, уходить, не поблагодарив, но есть в жизни ситуации, когда продолжать знакомство не стоит. Сейчас, похоже, был именно такой момент.

Вот только я не учла, что имею дело с драконом. Уроженцем Схина. А эта сопредельная держава имела очень много нелепост... особенностей. И я не успела опомниться, как незнакомец, видимо, для себя решил, что я недостаточно быстра, и... подхватил меня. Взял почти на руки. Ну как почти – перекинул через плечо. И я увидела лишь доски пола.

Потом еще доски, лестницу, двери кают по бокам. В одну из них меня и затащили.

Топот преследователей становился все ближе. А мы стояли, тяжело дыша, прижавшись к двери, замок которой успели защелкнуть в последний момент.

Минута. Вторая. Третья.

Судя по звукам из коридора, косяк акул пера пронесся мимо.

– Кажется, оторвались... – надсадно произнесла я и закашлялась, а потом сползла, по-другому и не скажешь, по стене рядом с дверью, села прямо на пол, обхватив колени, и, откинув голову, глядя во мрак потолка, выдохнула: кажется, я живая. Хотелось одновременно хохотать и плакать. Но я стиснула зубы, борясь со своими внутренними демонами. И вот чего не ожидала в этот момент, так вопроса:

– И зачем ты решила покончить с собой? – Видимо, дракон решил: после того, что между нами произошло, выкать глупо.

В первый миг я задохнулась от возмущения. Покончить?! Да я боролась за собственную жизнь изо всех сил. Просто это оказалось сложно, когда твое тело свела судорога.

– С чего ты взял, что я самоубийца?

– Достаточно было увидеть, как ты в одиночестве вывалилась за борт без чьей-либо посторонней помощи.

– А ты сидел на диете и носил при этом корсет? – задала я встречный вопрос и поняла: все же благодарность за спа-

сение должна звучать слегка иначе. Хотя бы не таким обвиняющим тоном, что ли...

– Слава луноликим, нет, – отрезал дракон.

– А жаль. Тогда бы ты понял, как можно очень даже легко и непринужденно оказаться в стылых водах, – последние слова я едва сумела произнести: зубы начали выбивать четку.

Руки тряслись, и первая попытка сотворить заклинание согревающего воздушного покрывала провалилась. А может, это из-за того, что последние запасы энергии я истратила на то, чтобы разогнать кровь по телу, когда бежала, скрываясь от журналистов? И сейчас сил у меня не было. Не только магических, но и банальных физических.

Второй попытки не случилось. Потому как у дракона, в отличие от меня, резерв был если не полон, то хотя бы не на нуле. Схинец сотворил не только поток теплого воздуха, который окутал меня подобно покрывалу, но и зажег пульсар. И когда я осмотрелась, то поняла: ради этого стоило вынести все страдания, что выпали сегодня на мою долю. Потому что мы оказались на складе. С потолка свисали кольца копченых колбас и сосисок, на полках лежали головки сыра, и... судя по всему, в моих глазах появился алчный блеск. Потому как дракон насторожился. Словно приготовился к нападению. И я бы с радостью напала. На ближайшую копченую курочку.

– Кажется, с причиной твоего падения мы разобрались. Осталось выяснить: кто ты такая? – холодно произнес он,

опускаясь на корточки, так что наши лица оказались на одном уровне.

– Я? – переспросила, подыскивая подходящий ответ, который помог бы мне остаться безвестной, и потеряла плечи в попытке побыстрее согреться. – Тихая, скромная девушка...

– Которая может тихо и скромно упокоить любого наглого репортера, если тот решит сделать из ее имени скандальную сенсацию, – судя по тому, каким тоном это было произнесено, дракон из просто недовольного стал отменно злым. Иначе откуда этот презрительный взгляд, плотно сжатые губы, раздражение, которое ощущалось почти физически?..

– Не репортера, а его чарограф. – Я вздернула подбородок и бросила на схинца недовольный взгляд. Это был наглый поклеп: аркан Лорфа вовсе не смертелен. Он всего лишь уничтожает все артефакты в радиусе его действия. – Ты, кстати, и сам не горел желанием позировать перед объективом, – вспомнила реакцию схинца.

– Я просто тоже тихий и скромный, – произнес он, возвращая мои собственные слова. И произнес-то их как!

– Ты сказал этот таким тоном, словно я сорвала твои планы на этот вечер, – не смогла удержаться.

– Ты почти угадала.

– Так и не спасал бы меня! Зачем было их нарушать? – выпалила я, чувствуя, что вместе с дрожью меня накрывает еще и истерика. И если у нормальных девушек она выражалась в криках и слезах, то меня пробивало на сарказм: – Дал

бы мне помереть во цвете лет! Заодно я бы и своему отцу, который так дорожит своей безупречной репутацией больше, чем родными, отомстила. Как же, его безукоризненная и элегантная дочь погибла совершенно неэлегантно – банально выпав за борт судна и утонув. Еще ведь наверняка бы в газетных листках написали и по визорам в вечерних новостях не преминули бы намекнуть, что я была недостаточно трезва. Иначе как могла высокородная наследница рода очутиться в студеной воде в канун Новогодья?

– А ты пила? – перебил мой словесный поток дракон.

– Я даже не ела! – выпалила зло.

– И почему же? – продолжал допытываться этот тип.

– Потому что была сыта этим вечером по горло! – Ну не признаваться же, что, когда талия утянута так, что желудок оказывается по ощущениям в районе горла, внутрь тебя не попадает не только еда, но даже и воздух – и тот через раз.

– Настолько сыта, что случился голодный обморок?

Мне хотелось бы едко ответить на это его ехидное замечание. Хотелось, но не могло. Потому что слегка мешала дрожь, которая била мое тело все сильнее, несмотря на закливание теплого воздуха. Я никак не могла согреться. Наверняка дело было в том, что я вычерпала свой резерв до дна и теперь организм брал силы из неприкосновенного ресурса – ауры. Потому как так дико хочется спать именно при ее истончении.

Я была не в силах сопротивляться дремоте. И под изум-

ленным взглядом схинца просто легла на пол, смежив веки.

– Что ты делаешь? – услышала я возмущенное.

– Засыпаю. Или умираю. – Широко зевнула и добавила: – Я еще не определилась.

Несколько секунд напряженного молчания, а потом... меня схватили. Причем не поставили на ноги, а подняли над полом, так что босые пятки оказались в воздухе: увы, туфли, как и подол платья, ныне почили на дне залива.

Я с большим трудом открыла глаза. И увидела перед собой дракона. Злого дракона. Очень злого. С прищуренными, словно он смотрел на меня сквозь прицел, ярко-желтыми глазами, с побелевшими скулами, на которых четко обозначились желваки, с чешуей, что проступила на его висках, – и с этим воплощением гнева я оказалась практически нос к носу.

– Так. Давай договоримся. Ты не умираешь. Хватит с меня сегодня упущенного ренегата. Труп сомнительной девицы – это уже точно перебор.

– Я не сомнительная, я самая что ни на есть настоящая, – возразила уже на чистом упрямстве и осоловело посмотрела в янтарные глаза дракона. Сейчас зрачок в них вновь был вертикальным. И совершенно бездумно, в полубреду выда-ла: – У тебя такой взгляд...

После чего почувствовала, что проваливаюсь, хотя, с учетом моего положения, скорее зависаю в обморок.

– Эй! – Меня поставили на пол и встряхнули, пытаюсь

привести в чувство.

– Сними, – из последних сил прохрипела я, имея в виду утягивающее белье, которое не давало нормально дышать.

Дракон оказался сообразительным. Пояснений ему не потребовалось. И в следующий миг суперпрочное, сверхэластичное белье (и что там еще говорил продавец про эту гадость, которая утянула сейчас мою талию) затрещало, как тончайший и деликатнейший батист.

Воздух хлынул в мои легкие. Это было чудеснейшим из ощущений. Правда, теперь пришлось придерживать спадавший лиф и ту пыточную гадость, что была под ним. А ведь в магазине уверяли, что ее ничем не разорвать. Ха, просто они не давали протестировать это белье дракону.

– Еще никогда не слышал от девушки эту фразу столь категоричным тоном, – поняв, что мне стало легче, иронично заметил дракон.

«А меня еще никогда в жизни так быстро мужчины не раздевали», – хотелось возразить в ответ. Да они меня вообще не раздевали, к слову. Но вслух сказала другое:

– Просто я была заинтересована не в процессе, а в результате.

Дракон сверкнул в полутьме желтыми глазами.

– А сейчас вы в чем заинтересованы? – уточнил он тоном «огласите расписание всех ваших обмороков на сегодня, чтобы я мог спланировать спасательные мероприятия».

Хотелось честно ответить, что в копченой курочке, но под

гнетом воспитания выдавила:

– В приличной теплой одежде. – При этом меня вновь начало потряхивать. Видимо, организм решил, что раз уж отрубиться ему не дают, то стоит хотя бы согреться.

Чего я не ожидала, так это того, что в следующий миг окажусь прижата к мужской груди. Меня обняли так крепко, что захоти я вырваться – ни за что бы не получилось. Да я и не хотела, если честно. А все потому, что сильное, поджарое тело оказалось не просто теплым – горячим. Настолько, что в первый миг решила: я прикоснулась к первородному огню. Тому самому, до которого достаточно дотронуться, чтобы вспыхнуть, сгореть и погибнуть.

И лишь спустя несколько секунд я поняла, что это не дракон такой горячий. Это я такая холодная.

– И все же, как тебя зовут? – задал вопрос схинец, когда я перестала дрожать.

Вот ведь упрямый. Точно следователь, что в допросе будет задавать вопрос снова и снова в самый неожиданный момент, пытаясь застать тебя врасплох. И все это будет длиться до тех пор, пока он не получит ответа.

– А это так важно? – Я вскинула голову.

Наши взгляды встретились, и у меня перехватило дыхание. Биение пульса отдавалось прямо в висках, а по телу, с макушки до самых пяток, прокатилась волна. Я стояла и не могла пошевелиться. Зато чувствовать...

Я словно была одним обнаженным нервом, ощущала в

этот момент абсолютно все вокруг. И холодные доски под ногами, и легкий сквозняк. Слышала едва уловимые звуки музыки откуда-то сверху, и то, как шумят волны залива, и размеренный гул двигателя, в цилиндрах которого сейчас работали водные и огненные элементарии. И даже то, как под водой вращаются лопасти винтов.

И то, как гулко стучит сердце дракона, к груди которого прижимается моя рука. И напряжение схинца, которое буквально прошивало все его тело.

Он рвано выдохнул, прикрыв глаза, словно его изнутри разрывали демоны и он прилагал все силы, что у него были, чтобы справиться с ними, а когда через несколько мгновений дракон вновь посмотрел на меня, то стало понятно: схинец выиграл поединок с самим собой. Потому что на меня смотрели темно-карие глаза, в которых не было ни отсвета янтаря, ни намека на вертикальный зрачок.

– Значит, не скажешь своего имени? – вновь спросил этот упрямец.

– А ты свое? – Я столь же упорно ушла от ответа, причем на этот раз в излюбленной манере гномов, задав встречный вопрос.

– А это что-то изменит? – Похоже, не я одна любила тактику ведения переговоров подгорников.

– Я буду знать хотя бы имя своего жениха. Ведь с учетом компрометирующих обстоятельств, – я взглядом указала на свой полураздетый вид, – ты, как порядочный джентльмен,

должен будешь взять меня в жены, – я не удержалась от того, чтобы съязвить. И ударила по больному месту большинства холостяков. А судя по отсутствию брачных браслетов, дракон именно к этой когорте мужчин и относился. Вместо них на его запястье красовался лишь наручень-переговорник.

– Не взять, а выдать. Выдать замуж, – поправил меня крылатый. – Как всякий порядочный дракон.

И по его тону я поняла: этот схинец очень порядочный. Гад.

– Знаешь, платье все же лучше, чем брак, – заметила я.

Дракон мне попался весьма сообразительный и намек понял.

– Согласен, – уходя от скользкой темы, поспешно отозвался он. – И если ты посидишь здесь тихо и не будешь пытаться в очередной раз умереть, я тебе его даже найду и принесу... – Но тут артефакт, что был на его руке, мигнул красным. Дракон посмотрел на него, нахмурился и, пробормотав: – Но чуть позже... – пульсаром вылетел из каюты, словно речь шла о жизни и смерти.

Правда, едва дверь хлопнула, тут же раздался скрежет засова, что бывает с внешней стороны каждого приличного склада. Вот ведь перестраховщик фтырхов! Я и так без одежды никуда не смогла бы уйти. Потому что под покровом одной только иллюзии появляться на глаза гостям было рискованно. Все же на светском рауте приглашенные через одного были маги, причем сильные. И многим из них не составит

труда разглядеть, что у меня под мороком...

Хотя в том, что дверь заперта, был и плюс: сюда никто и не зайдет. И девицу в неглиже не обнаружит. Вот только я дожидаться возвращения дракона не собиралась. Как и представляться своим именем. Это все равно что дать совершенно незнакомому человеку на себя компромат и искренне надеяться на его порядочность, что он не станет тебя шантажировать.

И пусть реакция на журналистов у нас со схинцем оказалась схожей, это еще ни о чем не говорит. Я прикоснулась к браслету-артефакту, тому самому, в компании которого тонула. А потом дотронулась сразу до зеленого и синего камней, посылая сигнал.

Этот артефакт был моей личной разработкой и совмещал в себе сразу несколько функций: помимо защитной, был переговорником, а еще накладывал полог тишины и мог работать как отвод глаз.

Тина, моя сестренка-погодка, отозвалась спустя несколько томительных секунд. И ее голос звучал взволнованно:

– Скай, ты где? Отец жутко недоволен, что ты куда-то исчезла...

– Здесь такое дело... – начала я.

А затем вкратце изложив, что со мной случилось, я попросила младшенькую найти мне что-нибудь из одежды и принести как можно скорее.

Тина не стала вдаваться в расспросы, за что я ей была от-

дельно благодарна. Она завершила, что скоро будет. И я отключилась.

Что ж, решила: пока я жду ее, стоит немного подкрепиться. Я с вожделием посмотрела на копчености, которые лежали на полке. Ведь каждая приличная диета должна заканчиваться вкусной котлетой. В моем случае – колбасой!

Так что выбора, как провести время до прихода сестренки, у меня просто не было. К тому же аппетит ко мне пришел задолго до еды. А потом и во время. И после. Даже когда уже ничего не лезло и я ощущала себя запасливым хомяком, этот фтырхов аппетит все равно остался! Места в животе не было, а он был! Поэтому я просто не смогла расстаться с сосиской, зажатой в руке.

При этом я ни о чем не жалела: копченые курочка с колбаской и сыр сказались благотворно не только на моем организме и резерве, который начал восполняться, но и на адекватности восприятия реальности. Ведь на пару мгновений, когда дракон согрел, показалось, что он... что я... А сейчас, когда поела, меня отпустило, и я поняла: показалось, что показалось.

К тому же теперь я могла взглянуть на ситуацию трезво, отбросив все чувства. В первую очередь, конечно, чувства голода, холода и эйфории оттого, что осталась жива.

Для начала я постаралась припомнить, что было до моего падения. Только ли голодный обморок? На палубе я находилась одна. Вроде. Потом на миг прикрыла глаза, голова

закружилась. Порыв ветра, ударивший в спину... А если не ветра?

Нет, будь я в нормальном состоянии, не такая голодная и перетянутая, я бы даже не качнулась в сторону воды. Но сегодня, спасибо диете, я была просто-таки мастером аж в четырех почти спортивных дисциплинах сразу: по фигурному питанию, шатанию, за борт улетанию и заплыву в стиле «ломик» на глубину. Правда, последний прервали. И до финишной, точнее, загробной черты я не добралась... Последнему я была искренне рада.

Чем больше я анализировала, припоминала детали случившегося, тем сильнее было убеждение: спасли меня не просто так. Потому что вопросы, которые задавал дракон, были невинными лишь на первый взгляд. Самый очевидный вывод: он рассчитывал на оплату. Деньгами или услугой... Второе – вероятнее. А за свою жизнь ерундовым одолжением отделаться не удастся.

К тому же со Схином в последнее время у Ринкора отношения все более напряженные... И в свете этого оказаться должницей дракона – не самый лучший вариант. Вот так окажешь эту самую услугу, а законники тебя потом в шпионаже обвинят. Да и банальный шантаж, о котором я подумала с самого начала, опять же никто не отменял.

Поэтому еще раз порадовалась тому, что свое имя крылатому не сказала. Теперь основной задачей было не попасться ему на глаза. С учетом того, что через пару дней у меня

защита, а потом – год последипломной специализации в Долине Холмов, у дивных, разминуться с драконом труда не составит. Просто не бывать на светских приемах – в единственном месте, где есть хотя бы малейшая вероятность снова столкнуться с этим схинцем, и все будет хорошо.

Конечно, хотелось верить, что спасли меня все же из бескорыстного порыва, а не из холодного расчёта, но... Как я успела убедиться, у аристократов зачастую в благородных телах обитают подлые души.

Мои размышления прервал лязг засова. Я вся подобралась, затаившись в самой темной части судовой кладовки. Еще и сосиску машинально перехватила на манер ножа. А вторая рука была готова метнуть атакующий аркан. Но я все же надеялась, что это сестренка. А если нет...

В общем, моей стратегией являлась вера в собственную тактику. И удачу.

Вот дверь отворилась, и в полумраке я увидела знакомый силуэт. Тина!

– Ска-а-а-й, ты тут? – тихо протянула она, нервно озираясь.

– Да, – отозвалась я и вышла так, чтобы младшенькая меня видела. И, не теряя времени, спросила: – Принесла одежду?

– Почти, – чуть замялась Тина. – Только она неприличная.
– Костюм танцовщицы из ночного клуба? – уточнила я.
В таком случае остатки платья, что были на мне, могли ока-

заться и более целомудренным одеянием.

– Нет. – Сестренка прикусила губу. – Это униформа... Мужская. И она, наверное, будет тебе немного большевата... Но это единственное, что я смогла найти.

Младшенькая выглядела оробевшей. Постоянно закусывала губу, нервно передергивала плечами, лихорадочно озиралась. Она всегда была такой. Пугливой. А еще боялась возразить матери, беспрекословно слушала отца, а недавно безропотно согласилась на договорной брак с герцогом Уолбриджем. Папа просто поставил Тину в известность. И она не смогла возразить.

Помню, как отец тогда вошел в гостиную, где были мы с сестрой, и будничным тоном сообщил, что через неделю Ти обручится с этим напыщенным индюком. У сестры задрожала нижняя губа, но она ничего не посмела сказать. А папа развернулся и вышел. Вот и все. Занавес.

Так вот, когда три года назад отец точно так же сообщил, что заключил соглашение на мою помолвку, никакого «занавес» не было. Был грандиозный скандал, от которого родитель уйти не успел. Я в сердцах высказала все, что думаю о договорных браках, и сообщила о том, что я не вещь.

Но отец не зря был главой тайного совета. Из-за этого герцога Файна опасались вдвойне. Причем настолько, что прямые враги у него категорически не заводились. А все потому, что боялись хватки человека, который сумел проникнуть в весьма «тесную» компанию вампиров. И удержаться в ней.

Ведь политика, юриспруденция и лекарские науки были прерогативой клыкастых. И если в последнем случае, среди врачей, легко можно было встретить и оборотней, и людей, то среди дипломатов все сплошь были детьми ночи. И меж них – герцог Файн, в чьей безукоризненной родословной, кроме человеческой, не было иных рас.

Так вот, отец в тот раз смял весь мой протест, лишь произнеся:

– Без меня ты ничто. И звать тебя никак. Я содержу тебя, как и твою сестру, и твою мать. А ты даже не в состоянии обеспечить сама себе достойный уровень жизни. Так что, пока я плачу за тебя, ты обязана подчиняться.

Отец привык ломать под себя обстоятельства, характеры, судьбы. Не только в стенах своего рабочего кабинета, но и дома.

Тогда-то я и осознала, что, если буду по-прежнему сопротивляться в открытую, меня тоже сломают. И поняла, что единственный выход вырваться из-под этого гнета – стать по-настоящему независимой. Нет, не сбежать из дома, устроиться официанткой или горничной в отель и попытаться жить тихой обычной жизнью. Это было бы равносильно плевок на репутацию отца. Такого бы он не потерпел ни за что.

Поэтому не сомневалась, что, решишь я на подобную авантюру, уже через несколько часов стояла бы в его кабинете. Скорее всего, я бы даже униформу не успела надеть и приступить к работе.

Другое дело – дипломированный специалист высокого класса с достойной зарплатой, статусом и должностью, с которой меня не так просто убрать.

Именно поэтому я училась как сумасшедшая. Причем если шесть лет назад поступила на алхимию, то после приснопамятного скандала с родителем я подала документы еще и на артефактора, решив получить дополнительную специальность. Не сказать, чтобы мне это легко удалось. Решающую роль сыграла то ли моя идеальная зачетка, в которой стояло лишь «великолепно», то ли моя фамилия... Но, так или иначе, я своего добилась.

В следующую же сессию в моей идеальной зачетке появилось первое «приемлемо». Автограф поставил лично Ульрих фон Грейт. Он же Катафалк, которого ненавидели все студенты факультета. И я однажды подумала: как в этом случае он должен относиться к нам? В общем, я Катафалку даже посочувствовала. А все потому, что к тому времени успела влюбиться. В артефакторику.

Именно она стала моей основной специализацией, и через несколько дней у меня должна была состояться защита диплома. И если другие ждали этого дня, как судного, то я... Я так своему совершеннолетию не радовалась!

Главное теперь – до этого момента дожить. Без потерь. Моральных, физических, финансовых, репутационных... А последние вполне могли быть. Во всяком случае, униформа стюарда на это не тактично, а прямо-таки вопиюще намека-

ла.

Все потому, что деликатное Тинино «немножко велика» по факту оказалось «я утонула». Вот в заливе утонуть не смогла, а в белых штанах и рубашке с фирменными нашивками – запросто. Хотела сначала завернуть рукава и штанины, но потом... На кончике моего указательного пальца вспыхнул небольшой огонь. А через секунду запахло и паленой тканью.

Я не стала и пытаться повторить трюк дракона с разрывом прочной ткани, а просто прожгла ровную линию, отчекрывив все лишнее. Остальное подтянула, увязала и закатала. В темноте, если не приглядываться, я даже могла сойти за члена экипажа. Если очень сильно не приглядываться, конечно. Желательно в кромешной темноте. Тогда точно сойду.

– Ну, ты все? – нервно спросила Тина.

– Почти, – отозвалась я и, наклонившись, вывела на досках пола всего одно слово: «Спасибо».

Такое себе, конечно, получилось выжигание по дереву, но надеюсь, дракон оценит. Хорошо было бы оставить и плату за свое спасение, но... по любому ювелирному украшению или артефакту он мог меня найти, а денег с собой ни у меня, ни у Ти не было. Так что... в памяти схинца я, похоже, останусь вежливой и... жмотистой.

– Теперь точно все! – заключила я, перехватив сосиску, с которой так и не смогла расстаться, и мы с сестрой заспешили прочь, на ходу договорившись, что младшая скажет от-

цу, что мне нездоровится. И она, как примерная сестра, сопровождает меня до дома, как только судно причалит к берегу. Пока же я побуду в одной из свободных кают. Благо официальная часть раута уже успела завершиться и пристать мы должны были совсем скоро.

Место, где я могла бы переждать, нашлось быстро. Мы условились с Ти, что, как только корабль причалит, я выжидаю десять минут и схожу на берег. Она подгонит чабиль, в который я под отводом глаз и запрыгну.

В ожидании сестренки закрыла замок на задвижку и легла на узкую двухъярусную кровать. Запечатывать дверь еще и заклинанием не стала: это могло бы привлечь ненужное внимание.

Напряжение медленно отпускало. И я смогла в полной мере почувствовать, насколько замерзли голые ступни, что моя правая коленка разбита, а локоть ссажен. Да и правую скулу как-то подозрительно пощипывало. Нет, в таком виде попадаться на глаза кому бы то ни было тоже не стоило.

И нет бы провести этот светский раут схинского консульства не на борту корабля, а на земле? Увы мне! Организаторы мероприятия с чего-то решили, что часовая прогулка по заливу, после которой корабль пришвартуется у набережной, свежий воздух и плеск волн гораздо лучше подойдут для укрепления добрососедских отношений, чем зал ресторации. И вот теперь чиновники, депутаты, консулы, военные вели неспешные беседы на верхней палубе, с которой доно-

сились звуки живой музыки. А те из журналистов, кто сумел получить аккредитацию, освещали это мероприятие.

А я вот затаилась. И приготовилась ждать... Только мое одиночество было нарушено гораздо раньше, чем я предполагала. В замке раздался подозрительный скрежет, словно его не открывают уверенно ключом, а тихо и настойчиво взламывают. Спустя несколько секунд вертушок начал медленно, будто нехотя, поворачиваться.

«Демоны! Меня никто не должен увидеть!»

Слетела с кровати и заозиралась. Увы, под койку было не спрятаться. Под ней вместо пустоты было три выдвижных ящика. Так сложится, чтобы поместиться в один из них, я просто физически не могла.

Зато я увидела то место, в котором порой обретаются любовники и скелеты, а то и скелеты любовников, – шкаф! И пусть он был узким, как гроб, и столь же привлекательным, но главное – я в него помещалась!

Я едва успела в него залезть, как дверь в каюту распахнулась. Через узкую щель я увидела, как внутрь зашел невысокий, щуплый тип в плаще. На его шее болталась на ремне чарокамера.

«Вот фтырх! И везет мне сегодня на репортеров, как утопленнице на омуты!» – подумалось некстати.

Меж тем мужчина достал переговорник и, набрав номер, произнес:

– Все, Мик, я нашел свободную темную каюту. Сейчас

проявлю снимки и, как только причалим на берег, готовь место на первой полосе. У меня для тебя сенсация...

Собеседник ему что-то ответил, и тип, махнув рукой, словно говоривший с ним его видел, беззаботно отозвался:

– Не, не политика, все безопасно. Так что юристы могут не напрягаться. Светский скандал. Зато громкая шумиха гарантирована...

При этих словах у меня внутри все оборвалось. Неужели кроме того репортера, которому я и дракон испортили камеру, нас успел заснять еще кто-то? Вот гремлиин горбатый!

Меж тем ни о чем не подозревавший новостник продолжил:

– Пятьсот? Не... Эти снимки минимум на четыре штуки потянут... Так что готовь гонорар, Мик. За мной не заржавеет. Как раз... – тут тип глянул на наручные хроносы, – четверть часа осталась. Успею все проявить в лучшем виде. Буду ждать на набережной, как корабль причалит. Высылай магомобиль.

После этого он отключился и тут же развил бурную деятельность. Натянул тонкую веревку через всю каюту, достал из камеры пачку непроявленных чарографий, аккуратно развесил их за скрепки на бечевку. Достал артефакт-проявитель, что был размером чуть длиннее карандаша, но раз в пять шире. На одном из концов прибора тут же зажегся красный огонек. Им-то тип и стал водить рядом с каждым из снимков, проявляя изображения. Что на них – я из шкафа

разглядеть не могла и подалась вперед в надежде увидеть...

И тут корабль качнуло, я ударилась о стенку шкафа, и этот звук услышал репортер. Реакция у него оказалась отменной. Миг – и он уже распахнул дверцу моего укрытия. Но, как выяснилось, в экстремальных ситуациях и я могу реагировать не только быстро, но и неожиданно. Неожиданно в том числе и для себя.

В общем, если бы были соревнования по запихиванию в рот сосок, кляпов и прочего, то на нем я не заняла бы первое место. Нет. Меня бы сразу пригласили в жюри. Сосиска точно попала в рот изумленному мужику. Незванный визитер не успел издать ни звука, как у него меж зубов уже очутился мой трофей. Тот самый, из кладовки, с которым мне не позволила расстаться моя жадность.

А в следующий миг в репортера уже полетели чары стази-са. Тип рухнул, как подкошенный. Вот прямо стоял столбик и... бух! И теперь, лежа, он пучил на меня глаза и лихорадочно жевал сосиску. Видимо, надеялся, что как только с ней расправится, сможет заорать.

А я подошла к нему, стараясь, чтобы мое лицо оставалось в тени, и, изменив голос, произнесла:

– Именем схинской разведки вы... усыплены! – Это была импровизация. Потому что я не представляла, что приличествует этикетом говорить в тех случаях, когда тебя, шпионящую, застает в шкафу репортер.

Пасс рукой – и взгляд журналиста стал расфокусирован-

ным и осоловелым. А потом раздался и заливиственный храп.

А я подошла к проявленным чарографиям, готовясь увидеть себя, но вместо этого... О! Сколько мне открытий чудных сегодня б стоило зарыть. А после вызвать наемников, пару демонов из пентаграммы и профилактический потоп.

– Вот гад! – вырвалось у меня, когда я рассмотрела, кто именно запечатлен на снимках.

На снимках была не я, а мой грыхтов жених! Тот самый, договорной. Джерард Стоксон. И он активно так целовался с какой-то девицей. О том, что именно лобызался, а не соринку из глаза несчастной доставал и журналист просто удачный ракурс поймал, свидетельствовало два факта. Во-первых, снимков была серия. И во-вторых, Джер красотку активно лапал. Так, что длинный подол на женской ножке задрался аж выше бедра.

Особо теплых чувств я к жениху не испытывала. Он ко мне – и подавно. При нашей первой встрече, помнится, резанул по мне неприязненным взглядом. Так, словно я была помехой его планам, глупой дурочкой, что забыла о приличиях и бросилась ему на шею.

А потом, когда мы остались наедине, этот высокомерный гад обвинил меня в том, что я должна была настоять и отказаться от обручения, переубедить отца... На этих словах я рассмеялась ему прямо в лицо. И посоветовала: если Джер настолько против этого брака, то пусть сам попробует переубедить герцога Файна.

На это предложение жених отчего-то закашлялся. И пусть ничего не сказал, но в его взгляде я прочитала: «Ведьма!» И еще несколько эпитетов из тех, которыми чаще всего сообщают окончательную и неотцензуренную правду.

В общем, между мной и Джером вспыхнуло крепкое и взаимное чувство. Ненависти. Но надо мной довлел отец, которому было выгодно породниться с семейством Стоксонов. Над женихом – неустойка в случае, если помолвка будет расторгнута по его инициативе.

Не скрою, мне не раз хотелось послать жениха к низвергнутым, но я понимала: реши взбрыкнуть – отец начнет давить, пока не прогнет меня. Поэтому я сделала вид, что смирилась с обстоятельствами. Стала покладистой дочерью, насколько это вообще было возможно. А все для того, чтобы мне дали возможность нормально доучиться.

Джер тоже изображал образцового жениха: никаких публичных скандалов... Я, конечно, не сомневалась, что у него есть интрижка, а может, и не одна, но, как выражалась моя мама, пока это не достояние общественности, этого и нет.

И вот сегодня такой плевков мне в лицо. Я хотела сначала уничтожить чарографию, а потом подумала: это же отличный повод, чтобы разорвать помолвку! К тому же в таком свете моя практика в Долине Холмов будет логичной: расстроенная изменой невеста уехала из столицы, подальше от предателя-жениха.

Мне нужно будет лишь остаться у дивных. На пару лет. И,

думаю, с этим проблем не возникнет. Артефакторы – штучный товар. А артефакторы-алхимики – и подавно.

Я повесила снимок обратно на прищепку.

А потом посмотрела на мирно спавшего щуплого журналиста, на его ботинки и...

Когда корабль причалил, дверь каюты открылась, и на пол ступили эти самые коричневые мужские ботинки. Правда, сейчас в них был не журналист, а я. Плащ репортера сидел на мне мешковато, но это не столь сильно бросалось в глаза. Шляпа, очки, что позаимствовала у новостника, – я оказалась серой мышкой среди других журналистов, что спешили на берег. Безо всякого отвода глаз, который порой может не скрыть мага среди своих коллег, а лишь привлечь к нему больше внимания.

Идя по нижней палубе, я щелкнула пальцами, снимая собственные заклинания стазиса и сна. Надеюсь, папарацци успеет со своей сенсацией.

Как выяснилось чуть позже, он таки действительно успел.

Уже садясь в машину, я увидела, как мчится по трапу, а потом и по набережной в сторону неприметного серого чабилья знакомый тип, сверкая красными, в желтую полоску, носками и прижимая к груди стопку снимков.

А я, усмехнувшись, подумала, что этот вечер не такой уж и отвратительный...

И так я думала вплоть до следующего утра, когда проснулась с дикой болью в горле. Все же купание в холодной воде

дало о себе знать. Теперь из всех приемов ораторского искусства я могла использовать лишь выразительное молчание.

И молчала все то время, пока мама выговаривала о моей безответственности. Как?! Как я могла уйти с приема столь возмутительным образом, ни с кем не попрощавшись, поправ нормы приличий?! Что на это скажет мой отец, который был вчера явно недоволен моим поступком? Для нее сейчас это было единственным по-настоящему важным. Ведь за проступки дочерей наказывались не только, собственно, дочери, но еще и герцогиня Файн. Как та, кто плохо нас воспитала и допустила конфуз. Папа легко мог урезать ей расходы на неделю, а то и две. А для той, кто привыкла ни в чем себе не отказывать, это было серьезным ударом. И маму это не устраивало.

Она не скрывала, что вышла замуж за отца по любви. К деньгам.

Чуть больше двадцати лет назад красавица-графиня из обнищавшего рода, вынужденная работать секретарем, с радостью согласилась на предложение герцога Файна стать его супругой. Еще бы: не дряхлый старик, а статный красавец, при деньгах, положении... А то, что у него характер тяжелый, как могильная плита... Так должен же быть у почти идеального жениха хоть один маленький недостаток?!

В общем, для той, у кого из приданого были одни безупречные манеры, воспитание, милое лицо и куча семейных долгов, этот брак стал отличным вариантом. Мама приняла

правила игры – быть блистательной великосветской дамой, чья репутация вне подозрения, и подарить отцу наследников. С последними, правда, не сложилось. Родились мы с Тиной. Но тут уж, как говорится, претензии не к нам с сестрой, а к производителям.

– Нечего ответить?! – под конец своей тирады раздраженно спросила мама, тем выдернув меня из размышлений.

За свою жизнь я приобрела много умений, в том числе и делать вид, что внимательно слушаю собеседника, и думать о своем.

– Я болею, – просипела, высунув заложенный нос из-под одеяла.

Родительница словам не поверила. Положила ладонь на лоб, потребовала открыть горло и, лишь убедившись, что я не симулирую, вызвала лекаря. Все же серьезное недомогание могло быть оправданием моего поведения в глазах отца. А это значит, что и ее не ждут финансово-караательные меры.

К слову, папа, узнав, что я заболела, ничего по поводу вчерашнего не сказал. А вот мама промолчать не смогла. Правда, высказывала она свое возмущение не отцу (герцогиня самоубийцей собственного благосостояния не была), а прибывшему врачу.

Семейный целитель осмотрел меня и поинтересовался, как будем лечиться: с помощью магии или без?

В первом случае я уже через пару часов забуду о простуде, но тогда на неделю стоит воздержаться от применения

дара, а после еще и придется заново балансировать энергетические каналы из-за вмешательства чужой энергии. Вот только для артефактора, оперирующего тонкими настройками магомеханизмов, любой сдвиг контура источника силы мог грозить дрогнувшим вектором плетения и, как следствие, поломкой магомеханизма, с которым чаротехник работал.

Во втором случае – валяться мне в постели с настойками и эликсирами вплоть до дня защиты диплома. Зато магия будет при мне!

– Давайте лучше противные микстуры и порошки, – присипела я.

Целитель понимающе и, как мне даже показалось, одобрительно усмехнулся и выписал целый список. Его он и озвучил родительнице, присовокупив:

– И не забудьте про усиленное питание. Вашей дочери не мешало бы прибавить пару фунтов. Для организма юного мага это не повредит.

– Как... усиленное?! – подавилась вздохом мама. – Ей, наоборот, нужно сбросить! У нее на свадьбе должна быть идеально тонкая талия. Уже и платье у лучшего модельера столицы для этого заказано, – тоном специалиста по похудению, который считает, что все съедобное – вредно, заявила мама.

– Если вы продолжите в таком же духе, то к алтарю ваша дочь прибудет не только в элитном свадебном платье, но и в гробу, – отчеканил врачеватель. Вот за что я его любила,

так это за то, что в отличие от многих он никогда не был подобоострастным ни перед отцом, ни перед матерью. А целитель меж тем продолжил: – Герцогиня, в отличие от вас, ваша дочь – маг, – он наступил на большую мозоль родительницы, которая дара была лишена. – И ей требуется гораздо больше энергии. Я не единожды уже это говорил. Но вы предпочитаете каждый раз об этом забывать. Поэтому, полагаю, мне нужно будет повторить свои рекомендации герцогу. Надеюсь, у него с памятью получше.

– Не нужно. Я вас услышала, – процедила мама. И прозвучало это средним между «спасибо» и «идите на фтырх».

Целитель удалился, а после мне впервые за долгое время было позволено есть все, что хочу, и в неограниченном количестве. Но вот подлость: ничего не хотелось. Только спать. Чем я и занялась.

А потом были то ли видения, то ли реальность, когда меня тормозила горничная Сита, а потом и Ти вливала в горло, по ощущениям, расплавленный свинец, а еще смутно, в полудымке, лицо отца, которое растворилось в тумане, оставив после себя только сурово поджатые губы, а затем у моего полубреда и вовсе появился сладковатый привкус ужаса.

Потому что мне привиделся дракон. Тот самый, которого я встречать категорически не хотела. Даже в царстве грез. Он возник, соткавшись из ночного сумрака, когда я стояла на знакомой улице Трех иголок, озираясь по сторонам, и дрожала от холода.

Схинец появился неожиданно. В свете лун блеснул ряд мелких колечек, которые украшали его ухо. Казалось, крылатый был далеко, но миг – и вот уже рядом. Причем столь внезапно, как это может быть только во сне. Он подошел и обнял, согревая. И мне стало так тепло и уютно в его объятиях, как вдруг...

Случилось то, с чего начинаются все несчастья в мире. Именно из-за этого происходят серьезные ошибки, которые совершают все без исключения живые и даже некоторые мертвые. Я проснулась.

Разбил вдребезги мой крепкий сон (хотя по ощущениям – сразу череп) звонарный артефакт. Тот самый, что был сотворен специально для пробуждений самым противоестественным путем. Этот гадский магомеханизм дребезжал у меня на тумбочке, подпрыгивая и уворачиваясь всякий раз, когда я пыталась прихлопнуть его ладонью и заставить замолчать.

Под конец не выдержала и сделала то, о чем давно мечтала, – шарахнула по нему магией. От души. И наступила блаженная тишина. Но самое паршивое уже произошло: сон улетел. Поворочавшись в постели, поняла, что еще немного – и я просто накручу на себя все: и одеяло, и матрац с периной, и подушку. А потому решила встать. Хотя в ногах была еще слабость, а руки казались и вовсе будто не моими, чувствовала я себя намного лучше, чем до этого.

Во всяком случае, горло не болело, а вот желудок... Он тоже не болел. Он просто протестовал. Свернувшись в уль-

тимативной форме фиги. Потому я, накинув халат, вышла из комнаты и целеустремленно направилась на первый этаж, где располагалась кухня.

И там, открыв холодильный шкаф, впилась в сочный, прожаренный до хрустящей корочки и истекавший соком стейк. Едва не заурчала от удовольствия, как кошка, жуя внушительный кусок, когда услышала:

– И что ты, больная, делаешь у холодильни? – голос нашей кухарки был настолько сварлив, что его можно было использовать вместо сверла. Причем по бетону. Но я давно уже поняла, это была показная, нарочитая строгость. Потому что хоть Кирха и ворчала на нас с Ти, но втайне от матери все равно подкармливала вкусняшками. Что в детстве, что сейчас.

– Наслаждаюсь жизнью, – ответила, спешно прожевав все, что до этого так жадно откусила.

Хотя мой голос ни единой нотой не выдал, что я секунду назад изображала удава, за один раз впихнув в себя невпихуемое, Кирха все прекрасно поняла и ехидно пожелала:

– Приятного аппетита. Но если вы, госпожа, подождете немного, я пожарю вам горячие блинчики.

– Со сметанкой? – Я воровато выглянула из-за открытой дверцы холодильного шкафа. Моя щека была оттопырена, потому как я, поняв, что разоблачена, решила больше не таиться.

– Со сметанкой, – хитро улыбнулась кухарка.

И спустя четверть часа я сидела на кухне на стуле, прятала глаза в чашке с горячим утренним какао и смотрела в печальное лицо зимнего рассвета. И тут... вспомнила! Что будильник я поставила на самый важный день в моей жизни! День защиты диплома!

Закашлялась, едва не подавившись, и спросила:

– Какое сегодня число?

– Так двадцать четвертое! Вы два дня проспали... Ваш отец приказал, если сегодня лучше не станет, вызвать врача и использовать магию для лечения...

– Мне лучше! – хлопая себя по груди, чтобы не подавиться, заверила я. – Очень лучше! Так всем и передай!!! – это я уже кричала, пульсаром вылетая из кухни.

«Только бы не опоздать! Только бы не опоздать!» – стучало набатом в мозгу, пока я лихорадочно впрыгивала в штаны серого делового костюма, застегивала блузку и жакет, сворачивала волосы в тугий пучок и запихивала в тубус чертежи, а во вместительный портфель – собственно, диплом и сопроводительные листы к нему.

Уже перед самым выходом надела закрытые туфли в тон на высоком каблуке, плащ и поверх накинула согревающее закливание. Понадеялась, что так добегу до машины и не замерзну. Но, как оказалось на поверку, во мне сейчас было столько адреналина, что я не почувствовала бы холода не только без чар, но и без верхней одежды.

Выскочила на крыльцо, спустилась по ступеням и целе-

устремленно направилась к гаражу рядом с домом. Можно было бы попросить Джерома выгнать чабиль и прогреть, но самой быстрее.

Машина, едва я повернула ключ зажигания, заурчала: проснулись элементарии в цилиндрах, тихо, почти мелодично, застучали поршни. Я аккуратно вырулила на дорогу и только на ней вжала педаль в пол. Должна успеть.

Я жила не в одном из небоскребов в центре Ринкора и уж тем более не в малоэтажном районе Йонтра, хотя мне самой по душе были и домики старого фонда, но... статус. Это слово для отца было не пустым звуком. А для меня – изощренным проклятием. И именно этот демонов статус мне многое не позволял.

Поэтому только особняк. Правда, не в самой столице с ее плотной застройкой, а в пригороде, на Виноградных холмах. Здесь не было маленьких участков или повторяющихся домов со стандартной застройкой. Зато было много зелени, роскоши и... стабильности. Местные дома на моей памяти ни разу не выставлялись на продажу: здания сотни лет принадлежали одним и тем же именитым родам. Поэтому на холмах нет случайных соседей, прохожих и... заборов. Только прозрачные магические контуры по периметру владений.

Отсюда до центра Ринкора – сорок минут езды на машине, если, конечно, не попаду в пробку. А по утреннему времени это вполне вероятно.

Но я все же успела! И чабиль аккуратно вписался в един-

ственное место на парковке. Я подхватила тубус, портфель с документами и заторопилась к крыльцу академии. Все мои мысли были лишь о защите, поэтому я не сразу среагировала, когда дорогу мне заступила какая-то девица. Чуть не врезалась в нее.

Подняла взгляд от ступеней и... узнала свое препятствие. Хотя до этого видела лишь раз эту красотку, на чарографии.

– Я тут тебя уже полчаса жду! Нам надо поговорить, – требовательно-высокомерным тоном начала она и, скривив губы, добавила: – О Джерарде!

Ни грамма вежливости, ни дюйма сдержанности. Захотелось скривиться от такой нахрапистости.

Да, говорившая не была одета в короткие шорты или мини-юбку с ботфортами, на ее губах не было алой помады, а на пальцах длинных накладных ногтей. Лишь выглядывавшее из полураспахнутого алого пальто черное платье до колена, облежавшее женскую фигуру как вторая кожа, лакированные сапоги на шпильке. Но тем не менее ее облик носил почти неуловимый флер вульгарности.

Хотелось сказать, что нам не о чем говорить, но... Если девица настолько упорна, что так долго меня караулила, с нее станется и дальше проявить недюжинную настойчивость. Так что лучше пресечь все сразу и на корню.

– Полторы минуты, – холодно отчеканила я, умышленно опустив приветствие.

– Что? – У рыжеволосой красавицы от удивления округ-

лился рот.

– У вас есть полторы минуты, чтобы изложить суть. Время пошло. – Демонстративно вскинула руку и посмотрела на запястье с хроносами. Говорила подчеркнуто вежливо и отстраненно, чтобы если не поставить эту девицу на место, то хотя бы не уподобиться ей.

– Ты... – раздула ноздри красotka. Ей явно нечем было крыть в ответ, разве что матом. И рыжей этого очень хотелось. Я почти слышала срежет, так она стиснула зубы, чтобы не начать браниться, как базарная баба.

Наконец она справилась с собой. На это ушло тридцать секунд. Я засекала. Впрочем, оставшегося времени ей хватило, чтобы выдвинуть свои требования, больше похожие на ультиматум:

– Мы с Джери любим друг друга! Мы счастливы. А ты... стоишь на пути нашего счастья! Ты должна разорвать с ним помолвку.

– И из-за чего? – Я чуть приподняла бровь, постаравшись придать лицу скучающее выражение.

Девица поперхнулась вдохом.

– Как это из-за чего?! Из-за скандала! Все новостные листки об этом писали! – возмутилась она от моей неосведомленности. Как так! Жених прилюдно изменил мне, а я не в курсе!

– И что с того? Из-за этого я должна бежать, ломая каблуки, к отцу и требовать, чтобы он немедленно разорвал до-

говор?

– Ну... да?! – ошарашенно произнесла рыжая.

– А заодно выплатить неустойку как инициатор расторжения соглашения между нашими семьями, – продолжила невозмутимо я. – Нет уж, изволь, но я подожду, пока адвокаты семьи подготовят претензию, чтобы уже Джерард платил по счетам. Во всех смыслах этого слова.

– Ну ты и с...

– Одно слово, одно оскорбление, и мои адвокаты заглянут и к вам, – предупреждаяще подняла указательный палец.

– ...терва, – выпалила рыжая, сдержавшись разве что чудом. А затем она, выдохнув, сжала кулаки и взвизгнула: – Ты же знаешь, что эта неустойка ударит по состоянию его семьи!

– И только поэтому я должна поддаться эмоциям, затопать ножками и первой заявить о расторжении договора? – Тонко усмехнулась. – Знаешь ли, я тоже дорожу состоянием своего отца и не собираюсь тратить деньги попусту. Я предпочитаю их приумножать. И ты, милая, своими демонстративными поцелуями мне в этом весьма помогла. Поздравляю, ты отлично все подстроила...

Это была всего лишь догадка, но... Все же мой жених был достаточно осмотрительным и сам бы под прицел чарокамер репортеров подставляться не стал. А вот эта рыженькая могла. Наверняка она рассчитывала на то, что после такого громкого скандала ее любовник будет вынужден расторгнуть помолвку и остаться с ней.

А вот о том, что наше со Стоксоном обручение – это в первую очередь контракт с кучей взаимных обязательств и внушительной неустойкой для той из сторон, которая первой потребует аннулировать соглашение, девица, похоже, не знала. И это обстоятельство стало для нее сюрпризом.

Потому-то сейчас она и пыталась спасти положение. В первую очередь финансовое: вывести меня на эмоции, чтобы я в порыве злости, ревности, гордости – да чего угодно – стала инициатором расторжения договора, не дожидаясь, пока семейные юристы найдут соответствующий подпункт. Я не сомневалась, что такой в контракте точно есть. Но Стоксоны наверняка постараются претензию оспорить: сумма все же немалая. Не преуспеют, конечно, но это дело не пары часов.

А тут я, вся в гневе, требующая немедленного разрыва и, по сути, являющаяся его инициатором. А это значит, что и выплата неустойки по расторжению ляжет на род Файн.

– Как ты... Откуда узнал... – Она задохнулась от избытка эмоций, у которых был явственный бранный оттенок.

– Догадалась, – сейчас моим голосом можно было заморозить. Залив. До дна.

– Гадина! Меркантильная зараза! Я тебя ненавижу! Если бы ты сдохла...

– Мне расценивать это как угрозу? – Я посмотрела на нее, словно прицеливаясь для выстрела, и добавила: – К слову, время вышло.

Шагнув в сторону, обошла рыжую и уверенно двинулась

дальше, искренне надеясь, что выгляжу невозмутимой. Хотя внутри все кипело и клокотало, но... Сейчас я была как никогда рада, что меня с детства учили непреложному правилу. Тому, что Файны никогда не показывают своим врагам три вещи: слез, спины и глупости.

С этими мыслями я и шла по коридорам академии. А когда открыла дверь в аудиторию, где уже собралась почти вся наша группа, то выяснилось, что я даже умудрилась не опоздать! Присела на свободное место рядом с Трис Торвин. Кроме нее и меня в нашей группе была еще одна девушка. И двадцать три парня.

Хотя на данный момент – двадцать два.

– Итак, одного нет, – оглядывая нашу группу, резюмировал профессор Грейт, потирая запястье под рукавом пиджака, словно там был браслет, который он не привык носить. Или... не словно? Пригляделась. И точно: из-под манжеты рубашки выглядывал край металлического обода. Интересно, не обручального ли? Но додумать мысль не успела. Именно в этот момент дверь в аудиторию с шумом раскрылась, явив опоздуну – Дика Дрейка. И я тут же забыла о Катафалке.

Парень, шумно выдохнув, спросил:

– Я не опоздал? – При этом Дик напоминал гриззи, только-только пробудившегося от зимней спячки.

– Нет, Дрейк. Ты так пунктуален, что по твоим опозданиям можно сверять времена года, – с сарказмом отозвался

Катафалк.

Вздохмаченный одnogруппник втянул голову в плечи и постарался незаметно (это при его-то росте и габаритах!) прокрасться на заднюю парту. А профессор меж тем продолжил:

– Сейчас я оглашу очередность защиты. Первая дюжина адептов защищается до перерыва. Вторая – после...

И Катафалк начал зачитывать фамилии... Моя оказалась первой. Но во второй партии защищавшихся. Поэтому до перерыва я делала то, чего делать наследнице рода Файн, урожденной герцогине, не полагается в принципе: я нервничала. И не скрывала этого.

Стив, залетевший в аудиторию с возгласом: «Список защитившихся с их оценками вывесили!» – заставил подорваться с места. Мы все дружно ринулись смотреть результаты.

Но едва я прочла первую фамилию – «Торвин» – и размашистое «великолепно» напротив оной, как услышала голос Катафалка:

– А у меня ведь в этом году защищается еще одна дипломика! Маг смежной специализации. Алхимик-артефактор. Мне ее подкин... Попросили стать руководителем работы у девушки. Так вот, в ее работе очень интересная теория... Да что же это я о Скай в третьем лице? Вот же она! Сейчас сама все расскажет. Только вас познакомлю... – И уже громче, обращаясь ко мне: – Скайрин Файн, подойди сюда... Де-

моны... Не прячься, я тебя вижу! И даже не думай под стол уползать! – уже слегка обеспокоенно, словно что-то почуяв, предупредил Катафалк.

К слову, его опасения были небезосновательны. Потому как я спряталась сначала за спину громилы Дрейка, потом за худого, но высокого, как каланча, Стива, и да... к своему стыду, я действительно подумывала о совершенно неподобающем для герцогини поступке и с вожделием поглядывала на скатерть стола. Ее край почти касался пола...

А все потому, что заметила, с кем меня так жаждал познакомиться Катафалк. С тем самым драконом, с которым мне было бы лучше не встречаться.

Меж тем Грейт с целеустремленностью тарана попер на меня, подцепив на буксир схинца. Вот только все это было ровно до того момента, как его знакомый меня увидел. А потом... уже Катафалк оказался на прицепе. Я же сглотнула, разумом осознавая, что мне не уйти, но инстинкт самосохранения...

Я невольно отступила. Потому что поняла: если и есть в мире живое воплощение опасности – оно сейчас передо мной. Дракон выглядел доброжелательным, уверенным, спокойным, но за этим спокойствием чувствовалась готовность уничтожить любого, кто посмеет ему перечить.

Так что я не обманывалась. Этот схинец – высший хищник. Тот, с кем даже вампиры – представители сильнейшей правящей расы – предпочтут худой мир доброй ссоре.

– Стоять! Бояться! – рывкнул Грейт, видя мой наступательный маневр на задней передаче.

– Я уже, – отозвалась ошарашенно.

– Вот и хорошо, – удовлетворенно произнес Катафалк и непринужденным светским тоном добавил: – Я хотел бы познакомиться с вами, уважаемый Дарквард Бронфилд с моей дипломницей Скайрин Файн. Талантливая девушка...

– ...отлично вскрывает засовы, – в тон Катафалку подхватил дракон, заставив преподавателя закашляться.

А я при этих словах удостоилась от схинца такого взгляда, которым гвозди в крышку гроба можно заколачивать. С одного удара.

Глава 2

Катафалк в ответ на фразу дракона закашлялся, а после я удостоилась второго, уже вопросительного взгляда. И он тоже не сулил мне ничего хорошего. Профессор сначала пристально посмотрел на меня, потом на схинца. Снова на меня... На схинца... И я почувствовала, что у Грейта будет ко мне множество вопросов. И все не по поводу защиты диплома, которая вот-вот должна начаться.

– Вы обознались, – как можно более сдержанно произнесла я, чуть качнувшись вперед и намекнув дракону, что не время и не место обсуждать обстоятельства нашего с ним знакомства. Острым каблуком шпильки намекнув. Прямо на носок черного ботинка этого Даркварда.

Схинец экивок понял и даже не поморщился. Он невозмутимо произнес:

– Хм... Возможно, я и правда ошибся... – И мне показалось, что он едва заметно, на толику мгновения, тонко усмехнулся. – Сдается, во всем виноват эффект первого впечатления. Вы удивительно схожи с *той* моей знакомой.

Это был намек мне от Даркварда... Ух, ну и имечко же у него. Словно рык, доносящийся из глотки огнедышащего ящера. Хотя... он же схинец! А от них другого и не стоило ожидать. Впрочем, как и бескорыстия, наивности, глупости. А вот чем славились крылатые – это расчетливостью, холод-

ностью, таинственностью, жесткостью, гордостью и могуществом. Недаром же «дракон» стал синонимом слова «опасность».

И вот сейчас один из представителей этой закрытой для людей, вампиров, оборотней, да даже вездесущих фэйри, расы дал мне понять, что готов к взаимовыгодным переговорам. И пока будет молчать о нашем с ним секрете... Вот только как долго продлится это «пока»?

Я посмотрела в глаза дракону.

Мой молчаливый вопрос. Его немой ответ. Разговор о главном. Без слов. В этот миг мир для нас двоих лишился всех звуков. Зато наполнился смыслом. И напряжением. Оно разливалось по нашим венам, наотмашь било по нервам, выжигало мышцы изнутри первородным огнем.

Мы оба: и я, и дракон – были не спокойны этим мигом, что звенел меж нами натянутой струной. Я бросила ему вызов, сбежав из закрытого склад. Он мне – сейчас, дав почувствовать, что теперь игра идет по его правилам.

Вот только я ненавидела подчиняться. Даже отец не смог меня сломить. А уж у какого-то схинца это и подавно не получится. И я собрала все свою волю в кулак, опустил на лицо, как забрало, приветливую улыбку, и постаралась весело и непринуждённо спросить:

– Так о чем вы хотели поговорить со мной, профессор?

Перестаралась. Оптимизма в моем голосе было как у той сильно оптимистичной ведьмы, которую вели на аутодафе,

а она радостно вопила: «Ура! Наконец-то как следует согреюсь!»

Катафалк скептически посмотрел на меня и произнес:

– О теме твоей работы. Она уникальна тем, что находится на стыке артефакторики и алхимии. А уж практическая часть, посвященная разработке катализаторов, в разы ускоряющих работу элементарей в цилиндрах двигателей, и вообще впечатляет. И господин Бронфилд, как член дипломной комиссии, ею очень заинтересовался.

Дракон вскинул бровь, видимо, в этот момент узнав о себе много нового. Например, то, что он увлечен темой ускорения реакций у элементарей открытого цикла... Но вслух Дарквард ничего не сказал. А Катафалк меж тем продолжил:

– Я думаю, что...

Узнать, о чем думает гений артефакторики, нам не удалось, Катафалка перебил подошедший председатель дипломной комиссии:

– Профессор Грейт! Вас-то я и ищу! Вы мне срочно и безотлагательно нужны для серьезного разговора.

У моего руководителя тут тоже была жизненно важная шкуророспасающая операция его студентки из лап дракона... в смысле беседа с гостем из Схина. Но, увы, сказать это прямым текстом Грейт не мог. А непрямым – председатель не понял.

В итоге Катафалк вынужден был оставить нас с драконом наедине. И едва Грейт отошел, как я услышала:

– Знаешь, меня никогда не подводили ни зрение, ни слух, ни память, ни обоняние.

– Что?

– Я узнал тебя. Отпираться бесполезно, Скай, – мое имя он произнес уже с открытой усмешкой.

Все же добился своего, гад крылатый, выяснил мое имя.

– Что ты от меня хочешь? – без обиняков спросила я.

– И это вместо благодарности? – Дракон вскинул бровь и шагнул навстречу.

Мы оказались так близко, что пришлось чуть запрокинуть голову, чтобы иметь возможность смотреть ему прямо в глаза, а не в район шейного платка.

– Если поступок бескорыстен, то да, за него следует благодарить. Но если все было ради холодного расчета, то это сделка. И ее условия хотелось бы знать если не заранее, то полностью.

– Не доверяешь? – Горячее дыхание дракона коснулось моих губ. – А вдруг твои слова могут меня ранить?

– Знаешь, что-то мне подсказывает, что ранить тебя можно разве что из чарострела. В упор. И то не факт.

И, судя по тому, как блеснули золотом темные глаза Даркварда, я оказалась недалеко от истины. Дракон внимательно посмотрел на мое лицо, словно что-то прикидывая для себя.

– Умная, не доверяешь никому на слово, чувствуешь себя в высшем обществе как рыба в воде, умеешь просчитывать ходы противника наперед... Ты меня устраиваешь, – выдал

он.

– Что ты имеешь в виду? – прищурилась я. Такой резкий переход мне совершенно не понравился.

– Мне нужен напарник в одном деле. И ты на роль помощницы прекрасно подходишь.

– Шпионаж? – насторожилась я.

– Нет. Всего лишь услуга за услугу.

– Если это касается политики, то... – Я приготовилась сказать «нет», в уме уже лихорадочно просчитывая варианты минимизации потерь.

Успею ли я написать заявление на академический отпуск? Пусть дракон даже не намекнул, что в случае отказа он может банально провалить меня на защите. Но... отец всегда мстил врагам. А этот Дарквард сейчас напомнил мне герцога Файна, поэтому... Я бы не тешила себя мыслью о благородстве схинца. Так что надо предвидеть и такой вариант.

И если решение вопроса с дипломом обошлось бы мне годом ожидания, то какова цена скандала, который непременно разразится, если всплывет история о том, как я полуголая лежала на палубе с Дарквардом? И как быстро прознают про нее адвокаты жениха, чтобы выдвинуть встречную претензию по неустойке брачного договора... Но я не успела произнести «нет», которое стало бы мне приговором, как меня перебили:

– Все в этом мире касается политики. Так или иначе. Но я могу гарантировать, что интересов своей страны или рода

ты не нарушишь.

– Предпочитаю общим, размытым фразам конкретику.

– Я в тебе не ошибся, – улыбнулся Дарквард. – Но думаю, что нам стоит обсудить детали в другом, более уединенном месте.

– Сейчас? – уточнила я.

– Да. Я постараюсь быть краток.

– Тогда следуй за мной. – И я, развернувшись на каблуках, чеканным шагом двинулась сквозь оживленную толпу, спиной чувствуя взгляд дракона.

Проскользнула мимо Лимана, что-то оживленно рассказывавшего о своих впечатлениях от защиты и размахивавшего руками перед другими одноклассниками, обогнула двух увлеченно споривших профессоров, разминулась со старостой, который заедал нервы сочным пирожком...

Наконец мы выбрались в коридор. Дверь в первый лекторий была закрыта. Во втором зале сидело несколько адептов, готовившихся к защите, в третьей проходило собрание...

Да что за безобразие такое! Только я решила стать конспиратором, как выясняется, что для тайных переговоров во всей академии нет ни одного свободного места!

Повезло на пятом кабинете. Он оказался пустым, хоть и небольшим по размерам, рассчитанным на проведение практикумов для подгруппы в дюжину студентов, не более. По периметру стояли покрытые магоинертными листами столы, на которых производились опасные операции с артефакта-

ми. Над каждой из поверхностей висело по внушительной вытяжной воронке. Помимо этого, все рабочие места были оснащены опускающимися защитными экранами и отделены друг от друга металлическими перегородками.

А в центре стоял один большой прямоугольный стол, на котором сейчас лежал, судя по обгорелому остову, фрагмент маговзрывного бура, без которого не обходится проходка штолен в твердых горных породах. Причем некоторые части механизма даже свешивались с края и топорщились штырями в потолочную высь на уровне моего плеча.

Дракон бдительно осмотрелся вокруг, потом скрестил запястья, чтоб в следующий миг резко развести их в стороны. При этом с его рук сорвались... кольца. Те самые кольца, которые обычно проявлялись у мага вокруг запястий, когда он начинал кастовать заклинания. По этим кругам и определился уровень дара мага.

Если вокруг запястий возникала лишь пара точек – это было начальным, самым слабым проявлением дара. Когда руку, словно тонкий браслет, обнимало одно кольцо, считалось, что это маг первого круга силы. У меня таких кругов, вписанных один внутри другого, при полной активации источника было пять. К прискорбию отца, который надеялся, что я достигну его уровня. Семерки.

Но всегда кольца были только на запястьях, неотделимы от их обладателя. А чтобы вот так они срывались в свободный полет, подобно аркану...

В следующий миг круги, словно взорвавшись изнутри, рассыпались пылью. И та в секунду стала туманом, который проник в каждую щель, чтобы через удар сердца уже собраться вновь в кольца и вернуться к хозяину.

Все это произошло быстрее, чем я успела прийти в себя от увиденного.

– Здесь, кроме нас, ни одной живой души. Мертвой, впрочем, тоже. Как и подслушивающих заклинаний, – резюмировал дракон и достал из кармана пиджака небольшой артефакт.

Я, лишь взглянув на прибор, тут же его узнала. И едва удержалась от уважительного свиста. Пластинка была меньше моей ладони. Вся испещренная вязью символов.

– Тархес? – я не удержалась от вопроса. Столь легендарным был этот артефакт. Сложнейший. Надежнейший. Он со-

здавал купол безмолвия над собеседниками. И взломать эту защиту официально было невозможно. А неофициально...

– Да, он, – подтвердил мои догадки Дарк и тут же с некоторым возмущением вопросительно добавил: – Что ты делаешь?

– Взлам... Проверяю надежность, – поправилась я. А затем демонстративно щелкнула пальцами, накрывая нас простейшим из заклинаний от подслушки.

– Серьезно? – иронично уточнил дракон, оценив мое плетение.

– Неожиданно. Если кто-то все же решит вскрыть твою сложную защиту, потратив на нее пару часов, то после банально не поверит, что под ней простейшая.

– И перемудрит с подбором заклинания противодействия, – понимающе хмыкнул Дарк и деловым тоном спросил: – После получения диплома не думали о стажировке в Схине?

– Ради этого вопроса ты и установил двойной полог? – иронично осведомилась я.

– Нет, – возразил дракон, к моему сожалению, и добавил: – Что ты знаешь о пакте Лонока?

– Это тот, по которому наша страна и ваша взаимно уничтожают опасные артефакты?

– Да, он. И в его рамках представители Схина привезли в Эйлин для показательного уничтожения Печать Хаоса.

– И при чем здесь я?

– При том, что моими агентами установлено, что Печать попытаются выкрасть из нашего посольства.

– И я должна этому помешать? – в упор посмотрела на Дарка.

– Нет. Способствовать, – огорошил дракон. Я от такого известия закашлялась. И он, подождав, пока я похлопаю себя по груди, проталкивая воздух, продолжил: – Только помочь ренегатам выкрасть не настоящую, а подложную Печать.

Со слов дракона выходило, что в мире существует межрасовая преступная организация. Сильные маги, которых объединяли отсутствие принципов и жажда наживы. Ренегаты. За ними охотились и наши законники, и агенты Схина, и особый отдел фэйри.

Но раз за разом отступникам удавалось ускользнуть. Как считал Дарк, из-за того, у них имелись свои шпионы – или проще кроты, в том числе и среди детей неба.

Сейчас их главарь Трайтор нацелился на артефакт, привезенный драконами в столицу.

– Зачем он ему? – задала закономерный вопрос.

– Ради денег. Одни готовы заплатить немало за то, чтобы этот артефакт получить и применить...

– Другие – чтобы, наоборот, никогда не использовали Печать Хаоса, – закончила я за схинца.

– Верно. И ты мне будешь нужна, чтобы обеспечить преступникам доступ к Печати, – пояснил Дарк. – Видишь ли, до этого мои агенты слишком хорошо ее охраняли. И теперь,

если ослабить защиту, преступники сразу поймут, что это ловушка. А вот если я, допустим, без памяти влюблюсь в девушку, да еще она будет не из Схина, а уроженкой Ринкора... К тому же артефактором, а значит, будет отлично разбираться в предмете кражи... В этом случае ренегаты не упустят возможности через нее подобраться к Печати.

– А ты влюбишься? – иронично уточнила я, не пытаюсь скрыть ехидства в голосе.

– Обязательно, – так убежденно ответил дракон, что стало понятно: «ни за что». И добавил: – Чувство может быть и безответным.

– Ну спасибо, что мне разрешено не терять головы от любви, – скептически фыркнула я.

– Значит, ты согласна? – по-своему понял мой ответ Дарк.

– Я подумаю. – Шагнула чуть в сторону, чтобы затем повернуться и гордо уйти. Но едва не оступилась на мелкой выбоине в плитке на полу, и штырь обгорелой железяки чуть не мазнул по лицу. И все же я крутанулась на каблуках, сохранив равновесие и оставив дракона позади.

– Пяти минут хватит? – уточнил схинец мне в спину.

Я глянула на хроносы. Ровно столько осталось до моей защиты. Шантажист фтырхов!

– Вполне, – процедила сквозь зубы и сделала шаг к выходу.

Вернее, попыталась. И почувствовала, что меня держат. Да еще и унизительно так. За воротник пиджака. Как котенка

за шкирку.

– Пусти! – потребовала и попыталась дернуться, чувствуя себя на редкость по-идиотски и готовясь применить магию.

– Увы, это не я, а всего лишь загнутый обгорелый штырь от этой прокопченной развалины, – раздалось насмешливое. А потом шаг – и дракон оказался рядом со мной. Близко. Очень. Совсем как тогда, в кладовой, когда согревал меня, дрожавшую от холода, в своих объятьях.

– Крыла, – зачем-то поправила я и сглотнула, потому что в горле враз пересохло.

А затем почувствовала, как от воротника моего пиджака что-то отцепляют. И не только это. Но и горячее мужское дыхание, что щекотало мой висок.

Есть моменты в жизни, когда мир замирает, сходит с орбиты, вся Вселенная собирается в одну точку, а нить разговора вдруг затягивается в тугий узел чувств. Так вот, сейчас был именно такой момент.

Близость. Мимолетная, почти деловая... Когда пальцы дракона лишь на долю секунды коснулись кожи на моей шее. И тут же нервы оказались натянуты, как канат над пропастью. Канат, который гудел под напряжением, рвался волокно за волокном. И на нем, по центру бездонной бездны, сейчас балансировала я. Без страховки.

Разгон психики до максимума. И все еще абсолютная тишина... Одна на двоих, разрываема лишь моим дыханием, его дыханием.

Рука дракона зависла в воздухе, так и не опустившись. И сам Дарк все также стоял недвижим. Рядом. Не отходя. Не произнося ни слова.

Я чувствовала его аромат с нотами лесного ореха и зимнего аниса. Видела, как бьется жилка на виске, как напряжены мышцы и четко обозначены тяжи сухожилий на шее. Дракон сейчас напоминал мне сжатую пружину.

И я себе тоже. Казалось, что пульс стучал прямо в мозгу, в ушах, грозя порвать барабанные перепонки, хлынуть, если не раздастся хоть какой-нибудь звук. И я спросила первое, что пришло в голову:

– А давно ты знаком с Катаф... профессором Грейтом? – шумно сглотнув, исправилась в последний момент.

Дракон выдохнул и, отойдя от меня на шаг, на миг прикрыл глаза, словно борясь с собой. А когда спустя секунду вновь распахнул их, то вскинул руку и, глянув на хроносы, сообщил:

– Четыре часа, двадцать шесть минут. В секундах, увы, сказать не могу. – Вот только непринужденный тон крылатого не вязался с его взглядом. Последний был сродни беспросветному мраку.

– Странно, мне казалось, что больше... Ты так увлеченно с ним беседовал, – произнесла я, внешне стараясь выглядеть невозмутимой.

Хотя в душе... Внутри царил хаос. И навести в нем порядок сейчас не было никакой надежды. Проще облить все

алхимической горючей смесью, поджечь и убежать подальше, выпучив глаза. И будь я не урожденной Файн, так, наверное, и сделала бы, но... демоново воспитание! Именно оно заставляло меня держать лицо. Как иных воинов выучка заставляет держать поднятым щит. Порой часами. Сутками. Столько, сколько потребуется.

И я, посмотрев на дракона, даже смогла сдержанно улыбнуться.

– Вообще-то, он усердно пытался меня отвлечь от одной своей дипломницы. Причем когда Грейт понял, что одних разговоров для этого маневра недостаточно, то попытался переключить мое внимание на другую свою выпускницу.

Я про себя усмехнулась. Вот так, под занавес учебы в академии, профессор Грейт, сам не ведая того, мне отомстил. Сполна. За мой дипломный шантаж.

Год назад я вынудила его стать моим научным руководителем. Хотя он был даже поначалу слегка матерно против. Пойти на такие меры пришлось оттого, что никто другой не рискнул бы брать дипломника сдвоенной специальности, алхимика-артефактора. Поскольку тема моей научной работы была, мягко говоря, сложной. И никто из магистров не хотел садиться на защите с размаху в лужу на пару с адепткой. Мной.

А я же не только не имела права облаж... допустить ошибку. Я должна была стать лучшей в выпуске. Иного отец от меня не ждал. И всегда это подчеркивал: раз уж его старшая

дочь выбрала не более женственную культурологию, как моя сестренка, то в алхимии и артефакторике я должна быть первой. И точка.

В общем, я решила, что сделать меня лучшей может только лучший и... не знаю, в каком по счету разговоре (но точно цифра была уже двузначной) Катафалк вновь на мое предложение рявкнул свое категоричное: «Нет!»

Мы тогда были в аудитории одни. И я решилась на первое средство дипломатов – шантаж! И поставила на кон свою репутацию. Против реноме знаменитого артефактора.

Закрыв дверь, рядом с которой стояла, двинулась к Катафалку и выдвинула ультиматум:

– Либо я буду вашей дипломницей, либо – любовницей!

У профессора дернулся глаз, потом скула, потом он весь целиком. А затем Грейт рыкнул:

– Что-о-о?

– Что слышали. Либо из этой аудитории я выйду с вашим согласием в сторону дома. Либо без него, но к проректору. И скажу, что вы меня домогались. Если нужно будет, то и уточню, что грязно и успешно. И даже до беременности!

– То есть ради диплома вы готовы на все? – уточнил Катафалк. – Даже учиться?

– Я и так учусь... – Меня разобрала злость. – Как проклятая. Без перерывов! – И я от души треснула по столешнице. Сама не заметила, как при этом призвала силу. На боль, что обычно обжигает каждого мага при обращении к дару, даже

не обратила внимания.

Увы, под натиском этой моей экспрессивности пал не Катафалк, а парта. Она развалилась, брызнув щепой во все стороны.

– Знаете, адептка, – невозмутимо произнес Катафалк, глянув на мои руки. – У вас красивые руки. Тонкие пальцы, изящные кисти... Так уберите их от артефакторики и приложите к... культурологии, например.

Не знаю, как я в этот момент выглядела, но Грейт благо- разумно сделал шаг назад со словами:

– Хочу напомнить, что вы планировали сделать меня своим любовником, а не трупом...

– Да что вы все помешались на этой культурологии! – про- рычала я.

– Все – это кто? – настороженно уточнил Катафалк.

– Мой отец! Если я не родилась мужчиной – это значит...

– А я думал, что именно ваш отец настоял на переводе на факультет магомеханики. – Катафалк озадаченно посмотрел на меня и потер подбородок.

В его словах была доля истины: артефакторы – одни из самых привилегированных магов. Штучный товар. Магоме- хаников высокого уровня всегда мало. Но и стать таким ой как непросто.

В тот раз мы с Грейтом выяснили все до конца и немножко до скандала. Оказалось, он думал, что я попала сразу на тре- тий курс по протекции герцога Файна и глупа, как пробка.

Я действительно, когда только переводилась, не знала магомеханику, которую вел Грейт, на том уровне, который требовал профессор. И пусть быстро все нагнала, но вот первое впечатление-то осталось.

– Знаете, Скай... Я только сейчас понял, что в вас есть главное качество для артефактора, – под конец разговора произнес Катафалк. – Упорство.

Вот почему мне показалось, что он едва не произнес «упоротость»? А профессор меж тем продолжил:

– Именно оно в сочетании с самокритичностью, навязчивостью, любопытством приводит к великим открытиям. И... – Он сделал паузу, как человек, сам сомневающийся в адекватности своих поступков, и вдруг произнес: – Ладно, где одна, там и вторая! Я беру вас...

Договорить он не успел. Я, забыв про воспитание, сдержанность и все то, что приличествует леди, с радостным воплем повисла на его шее со словами:

– Вы не пожалеете о своем решении.

И услышала сдавленное:

– Уже жалею...

Впрочем, спустя какое-то время Грейт все же жалеть перестал. И понял, что его предмет я знаю отлично, а в вопросах алхимии могу и нос именитому артефактору утереть. И не раз.

Это его уязвило. Причем настолько, что я даже как-то застала Катафалка, украдкой читавшего манускрипт по энтро-

пии алхимических реакций. Причем маг так смутился, словно я увидела в его руках фривольный дамский роман.

Зато итогом таких непростых отношений с профессором стала работа, которой еще до защиты заинтересовались и наши маги, и фэйри. Дивные узнали о ней из научной статьи, которую мы с Грейтом опубликовали в соавторстве в межрасовом научном альманахе.

Как итог – я была официально приглашена в Долину Холмов для прохождения стажировки еще до того, как стала дипломированным специалистом.

Вот только последняя могла сейчас накрыться, как неисправный артефакт. И причина тому находилась рядом со мной. Буквально в полушаге. Внушительная такая, широкоплечая, пристально меня изучавшая.

Я, стоя в кабинете, за пару минут до защиты вдруг подумала, что даже десяток высших образований и сотня написанных дипломов не гарантируют, что в жизни ты будешь принимать только правильные решения.

И неожиданно даже для себя спросила дракона:

– У тебя есть монетка?

– Монетка? – удивился схинец. Впрочем, несмотря на это, он достал из кармана медный кругляш и протянул мне. – Держи.

Я взяла ее и, поставив на ребро столешницы, раскрутила. Простенькое гадание, когда переключиваешь ответственность за собственный выбор на волю случая. И, пока она вра-

щалась, я дошла до двери. Звон застал меня на пороге.

– И тебе даже не интересно, что выпало? – раздался голос сзади.

– Нет. – Обернулась и пояснила: – Гадание не дает точного ответа. Но в миг, когда монета делает свой последний поворот, перед тем как упасть, ты уже понимаешь, на какой исход надеешься.

– Значит, ты уже приняла решение?

Я ответила взглядом. Потому что положительный ответ всегда краткий. Многословность же придумана людьми, чтобы произнести «нет».

И схинец все прекрасно понял. И, так же неотрывно глядя на меня, спросил:

– И каков ответ на мое предложение?

Я чувствовала себя стоящей на краю пропасти. Когда один шаг вперед – и полет в бездну. Когда снизу, из глубины, чувствуешь волну воздуха, который бьет тебя наотмашь так, что готова потерять равновесие. Когда понимаешь, что, несмотря на все безумие, ты уже решилась...

А схинец... Он замер в ожидании. Том, которое рвет даже самые крепкие нервы. Выжигает изнутри. Заставляет тело каменеть, а сердце в этом камне – бешено биться.

Нас с драконом разделяло несколько футов. А объединяло напряжение. Оно висело в воздухе. Дикое. Концентрированное. Готовое ударить нас обоих разрядом в любой момент.

Я посмотрела на Даркварда. Луч солнца блеснул, отразившись от шевелюры схинца, словно от острия отточенного до смертельной остроты клинка. Этакого стилета, который вынимают из ножен для ближнего боя. Когда действовать нужно четко, решительно, быстро и незаметно.

Хм... Стиллет. Надеюсь, крылатый никогда не узнает, какое мысленное прозвище я ему дала. Усмехнулась и произнесла всего одно слово:

– Да.

Повернулась и перешагнула порог. И почудилось, что за спиной кто-то выдохнул. Хотя наверняка показалось.

Зато во всем произошедшем был один большой плюс: я больше не переживала по поводу защиты диплома. Я нервничала совсем о другом. Потому, когда назвали мою фамилию и я зашла в зал... В общем, такой невозмутимой адепт-ки, наверное, комиссия еще ни разу не встречала.

Этим, похоже, я и выбесила ее председателя. А может, он был нервный еще до... Не зря же во время перерыва одногруппники говорили о дипломе Трис Торвин, который перешел от защиты к нападению. А потом эта научная работа в коридоре с грозным «у-ру-ру», хлопая крыльями, на своем совином, не иначе, потребовала завтрак из пучка мышей.

А может, причина в моем руководителе, на которого, поговаривают, многие точили клыки... Как бы там ни было, едва я закончила доклад, от председателя посыпался град вопросов. И о том, насколько достоверна статистика испыта-

ний, и о выкладках расчетных формул реакций, и уверена ли я в безопасности магических сигнатур...

Причем он атаковал меня столь яростно, что остальные магистры просто слова не успевали вставить. А я отвечала с невозмутимой полуулыбкой, вежливо, подробно... Но меня так и подмывало спросить: какого низвергнутого происходит?

Вот только на очередном вопросе председателя я поняла: все они касались исключительно артефакторики. И ни одного по алхимии!

И, отвечая на очередной вопрос, я решила: раз этот архимаг намерился меня задавить магомеханикой, то я отвечу ему уравнениями вещественных реакций. И аккуратно свернула на понятия энтропии, энтальпии, концентраций реагентов, принцип действия катализатора... Рассказывала увлеченно и видела, как мрачнеет председатель, как дергается его глаз... А под конец своей пламенной речи выдала:

– И не сочтите за наглость, но я хотела бы услышать ваше мнение насчет принципа действия остаточного катализатора на огненных элементах в газозооной смеси, – произнесла это с видом абсолютной невинности.

Председатель закашлялся. Долго, протяжно и выразительно. Так, словно надеялся, что когда он закончит дохнуть, то все в зале дружно забудут о моем вопросе.

А я удостоилась выразительного взгляда от... дракона. «Совесь-то поимей, Скай! – смеялись глаза Стилета. – Са-

жать убеленного сединами архимага при всех в лужу».

Хотелось в ответ развести руками. А что? Он сам виноват! Первый начал! Так что теперь вот сидит там, цветет, пахнет и фотосинтезирует.

Боковым зрением заметила, как сидевший во втором ряду Катафалк безуспешно пытается скрыть улыбку. Грейт уже через подобное прошел в свое время. Правда, без зала, полного свидетелей. И, похоже, сейчас наслаждался самым искренним из всех чувств – злорадством. А еще профессор знал мой характер и ту его черту, которую именовал: «Обидеть Скай может попытаться каждый. Не каждый успеет после этого заказать себе гроб». Хотя прощать я иногда все же прощала. Но в особо изощренной форме.

Видимо, председатель это понял, когда, все же откашлявшись, услышал от фэйри вопрос из зала:

– Да, нам тоже хотелось бы узнать ваше мнение, господин архимаг, по вопросу, который озвучила адептка.

Я повернулась к говорящему и узнала того самого дивно-го, который пару месяцев назад и предложил мне стажировку в Долине Холмов. Он скупо улыбнулся мне, что для представителя его расы было едва ли не высшим проявлением одобрения.

Профессор пробормотал что-то о том, что это все же защита диплома, а не научный диспут, и осведомился, есть ли еще у кого-нибудь из комиссии вопросы ко мне. Причем произнес это таким тоном, что если у кого-то и были возраже-

ния, то он мог бы их высказать исключительно посмертно.

Самоубийц не нашлось.

Катафалк, которому полагалось, как научному руководителю, в заключение дать оценку моей работе, был предельно краток. И суть его речи можно было выразить как: «Даже не пытайтесь ее потопить. Я этим полгода занимался, и даже у меня не получилось».

И пока Грейт говорил, улыбку скрыть пытался уже дракон. Потому что Дарк, как никто в зале, знал о моей плавучести, упрямстве и умении находить выход даже из безвыходной, запертой на засов ситуации.

Зал я покидала в абсолютной тишине. А вот когда очутилась в коридоре, дали о себе знать уже нервы. На вопросы о том, как все прошло и почему столько времени мурыжили, я отвечала машинально.

И вплоть до окончания защиты, все эти фтырховы четыре часа переживала и, как проклятая, сидела на подоконнике, не покладая рук. Точнее, ногтей, которые так и тянуло погрызть, как в далеком детстве. Но каждый раз я вспоминала, что уже взрослая, воспитанная и... Но хотелось жутко!

Да, я выступила хорошо, но мстительность архимага Кронка, возглавлявшего комиссию, была в академии притчей во языцех. Я так углубилась в свои мысли, что не заметила, когда все завершилось.

– Ну что, Скай, тебя можно поздравить! – Катафалк застал меня врасплох.

– Что сказал председатель? – Я сглотнула и замерла в ожидании вердикта.

– Чтобы я больше никогда не брал дипломниц! – широко улыбнулся Катафалк и, увидев, как я медленно зверею, с улыбкой добавил: – И тебе единогласно поставили за работу «великолепно». Как ты могла сомневаться, что будет иначе?!

Не знаю, чего мне в этот момент хотелось больше: обнять профессора или придушить. Видимо, он что-то такое почувствовал, потому как полушутя произнес:

– Хочу напомнить на случай, если вы решили меня прикончить или, хуже того, поцеловать: с недавних пор я безнадежно и глубоко женат. Поэтому предупреждаю: в обоих случаях моя супруга будет мстить.

– Я просто хочу вас за все поблагодарить, – произнесла я столь решительным тоном, что Катафалк насторожился еще больше.

– Лучшей благодарностью будет, если я вас не увижу как можно дольше. – В этом был весь Катафалк. Порой прямой до резкости. Не боявшийся сказать правду в лицо. Он с пару секунд наблюдал за моей реакцией. А потом добавил: – Не терплю, знаете ли, рядом с собой в профессии конкурентов. А вы, Скай, несмотря на то, что не более пяти минут как дипломированный специалист, уже успели им стать.

Это был эпохальный момент: впервые в жизни я не знала, что ответить. Катафалк признал меня почти равной себе?! Я не ослышалась?!

Счастье накрыло меня, подхватило, и я так широко и нагло разулыбалась, что наверняка своим видом могла подпортить кому-нибудь настроение. Плевать.

Катафалка я все же поцеловала. В щеку. Но с разбега. И поспешила на улицу. А когда оказалась на крыльце...

Крупными хлопьями с неба падал первый снег. Он подкрался словно на цыпочках. Бесшумно. И отрезал меня от всех звуков вокруг. Он рос на ветках, где еще недавно адели яблоки, просился на ночлег под навесы палаток. Он укутывал спокойствием и возвращал в детство. Туда, где жила неискоренимая вера в чудо.

– Замерзнешь, – с этими словами мне на плечо легла рука. А вместе с ней и согревающее заклинание.

Мне не нужно было оборачиваться. Я и так знала, кто стоит сзади. Стилет собственной персоной.

– Спасибо...

– Что у тебя с этим фэйри?

Мы произнесли это почти одновременно. И я все же обернулась и увидела, что Дарк, сделав шаг, поравнялся со мной.

– А это имеет значение? – Вмиг от моего спокойствия не осталось и следа.

– Да, – отрезал дракон, взглянув на меня прищурившись. – С этого момента считай, что я официально в тебя влюбился. В рамках нашего договора. А драконы, знаешь ли, не терпят рядом с собой конкурентов.

– Тебе нечего опасаться. – Искоса глянула на сосредото-

ченного Стилета. – Линорриэля я интересую лишь как артефактор. Он еще до защиты, впечатлившись статьей о термодинамике катализаторов, пригласил меня на стажировку в Долину Холмов.

– И ты приняла приглашение? – поинтересовался дракон.

Я ничего не ответила. Но Стилет, как я успела убедиться, был поразительно догадлив.

– Почему? Фейри не слишком жалуют людей.

– Как и драконы, – отрезала я и посмотрела на Дарка.

– Да, мы не приглашаем магов других рас на стажировку, – не стал отрицать он. – Скажу даже больше: в Схине крылья обязательны не только для резюме. И дивные в этом не сильно от нас отличаются. Поэтому я удивлен твоим решением...

– Я просто хочу свободы, – вырвалось вдруг признание.

И в этот момент из сумочки раздалась трель переговорника. Я достала артефакт связи и нажала на кристалл соединения.

– Добрый день, Скай. Это Джерард. Я хотел бы с тобой встретиться, – тут же услышала я напористый голос экс-жены.

– Не стоит. Я уже утром встречалась с твоей любовницей на крыльце академии. И могу сказать: у твоей пассии ни маникюра, ни совести, – я припомнила, как наглая девица требовала от меня выплатить неустойку по договору помолвки.

– С Сабриной? – Стоксон, судя по звукам, едва не пода-

вился вдохом.

– Ты уточняешь так, словно у тебя их несколько, – не преминула съехидничать я и добавила: – Извини, имя не спросила.

Пока я разговаривала, дракон смотрел на меня со все возрастающим мрачным интересом.

– Скай! Не язви, пожалуйста, я пытаюсь извиниться, – терпя терпение, прорычал Стоксон.

– Не пытайся собирать звуки в слова, у тебя это выходит отвратительно, – ехидно отозвалась я: тон, которым со мной говорили, взбесил окончательно. Настолько, что еще немного – и я, в лучших традициях отца, была готова бы с легкостью прощать врагов... Но исключительно посмертно.

– Ведьма! – выдохнул жених.

– Чем и горжусь, – не стала отрицать я и отключилась.

– И кто это был? – спросил Дарк таким тоном, как будто он уже был минимум моим мужем.

– Жених, – ответила я, убирая переговорник в сумку.

– Та-а-ак... – протянул Стилет многозначительно. – И о каких еще мужчинах в твоей жизни мне следует знать? Ну так... На всякий случай...

– Больше не... – начала было я и осеклась. – Хотя нет. Есть еще один. И... – Я глянула на хроносы, показывавшие пять. – Раз уж ты планируешь публично за мной ухаживать, думаю, тебе стоит кое с кем сегодня познакомиться. Только на всякий случай приготовь пару защитных щитов покрепче.

И атакующие арканы тоже не помешают.

– Это твой любовник? – холодно осведомился дракон.

Я лишь загадочно улыбнулась. И увидела, как у невозмутимого дракона на висках проступают чешуйки, а зрачок становится вертикальным. Похоже, Стилет был в тихом бешенстве.

В состоянии молчаливого раздражения Дарк пребывал и все время пути до моего дома. А я искренне надеялась, что отец не изменит своим привычкам и в пять будет у себя в кабинете пить послеобеденный чай. Там-то я, как примерная дочь, и познакомлю его с новым претендентом на мои руку и состояние. И пусть жених на этот раз фиктивный. Зато, пока Стилет будет рядом, герцог Файн не будет пытаться найти мне выгодную партию. Для него выгодную.

Эх, надо только предупредить фэйри, что на стажировку я прибуду чуть позже. В идеале – хотелось бы уже завтра найти всех ренегатов, разобраться с ними быстренько и удрать... отбыть в Долину Холмов.

Глава 3

Магомобиль остановился перед особняком.

– Это твой дом? – мрачно уточнил Стилет, который, кажется, начал догадываться, с кем я собралась его знакомить. Это открытие стало последней каплей в и так наполненной по самые края чайной ложке драконьего терпения.

– Он самый, – заверила я, глядя на родовое гнездо.

Серый камень, оранжевая черепичная крыша, массивная деревянная дверь, которую венчало аркообразное окно классической формы, – дом всегда напоминал мне старинный основательный замок, а не игривое поместье. И ни высокие, в два моих роста, окна на всех трех этажах, ни эркер, ни широкий треугольный фронтон, который удерживали массивные колонны, ни ажурные балюстрады не могли в этом переубедить. Замок. И точка.

Хотя суровое величие последнего с восточной стороны подрывал плющ. Его плети густо покрыли кладку так, что в теплое время года вся стена напоминала гигантский изумрудный ковер.

Сейчас, правда, листья уже не радовали зеленым оттенком, да и вообще своим наличием. Лишь редкие желтые и пурпурные пятна красовались на серой стене в переплетениях тонких побегов.

Но с центрального входа этого видно не было. И особняк

выглядел гордо и неприступно.

– Знаешь, Скай, мы с тобой знакомы всего ничего, но мне уже порой кажется, что я готов тебя придушить, – вдруг признался дракон.

– Только порой? – Я изогнула бровь.

– Да. В остальные моменты я в этом желании абсолютно уверен, – ничтоже сумняшеся заявил он.

– Если я тебя так бешу, может, все же поищешь себе дру- гую приманк... кандидатку на роль продавца ценного арте- факта? – намекнула я прямым текстом, что не особо расстро- юсь, если сделка сорвется.

– Времени особо нет. Да и подходишь ты отлично по всем параметрам, кроме одного...

И, кажется, я даже догадалась какого.

– Да-да, ты не первый, кто говорит о моей харизме таким тоном, словно подбирает слова для похоронной речи, – перебила я дракона и, не дожидаясь, когда Стилет выйдет и галантно распахнет передо мной дверь чабиля, сама потяну- лась к ручке.

Но проворство крылатого я недооценила. Единственное, что успела, так это открыть эту самую демонову дверь. Ну и туплю на брусчатку поставить. И увидеть дракона, который вежливо протягивал мне руку для опоры. Проигнорировать ее хотелось. Очень. И я даже уже собралась, когда услышала:

– Низвергнутые тебя подери! Возьми руку, Скай, а то я плюну на человеческие традиции и вспомню о схинских.

– Это как? – озадачилась я.

– Это перекинуть добычу... деву, – в последний момент исправился дракон, – через плечо и без лишних церемоний утащить к себе в пещеру.

Причем прозвучало это так многообещающе, что моя ладонь непроизвольно схватила руку Стилета, и я буквально вылетела из чабиля. Судя по довольной улыбке, которая на миг промелькнула на губах Дарка, именно этого он и добивался. Ну ничего, гад крылатый. Я тебе эту провокацию припомню! И отомщу. Два раза.

Больше до самого кабинета герцога Файна никаких приключений не случилось. Наверное, потому, что я усиленно молчала, а дракон, чтоб у него хвост облез, был невозможно невозмутим.

А вот когда я постучалась к отцу и после повелительного «Войдите!» переступила порог со словами:

– Добрый день, папа! Знакомься, я привела нового жениха, раз старый закончился... – было очень весело. Но не мне.

Потому как я оказалась занята важным делом – удираньем и спасением собственной шкуры. Ловко обогнув дракона, я ужом проскользнула у него под рукой со словами:

– Вы тут поговорите, пока я чай принесу.

Так и хотелось добавить: «И оставьте целыми хотя бы стены...» Но не рискнула. Жизнь дороже.

В том, что отец будет в ярости, я не сомневалась. Он терпеть не мог, когда кто-то вмешивался в его планы. А дра-

кон не просто вмешивался – рушил. Я бы даже сказала, низвергал до основания. Потому как, зная герцога Файна, я была уверена: он уже мысленно прикидывал не только сумму сверх неустойки по брачному договору с семейства Стоксон, но и кому отдать мою руку. Снова.

И этот «кто-то» явно был не схинских кровей.

– Скай обмолвилась о ваших атакующих арканах, – услышала я убийственно спокойное, когда притворяла дверь. – Но, думаю, мне стоило бы вас предупредить, что из всех видов защиты драконы предпочитают нападение...

Последние слова прозвучали как-то странно, словно из рупора или... драконьей глотки? А потом я услышала, как в дверь что-то ударило. Да так, что дубовые доски выгнуло в мою сторону до характерных вертикальных трещин и отчасти торчащей щепы.

– Кто ты вообще такой, наглец? – пророкотал отец, видимо, обращаясь к дракону. – И какая, к низвергнутым, моя дочь тебе невеста? Ты что о себе возомнил?

– Какая невеста? – эхом повторил вопрос Стилет. – Вполне подходящая. Могла бы быть и получше, конечно, но ладно уж, какая есть.

Вот почему мне показалось, что сказано это было скорее не герцогу, а его дочери, что сейчас стояла за дверью кабинета? Но разозлили они больше потенциально фиктивного тестя, чем меня. И папа при этих словах, видимо, решил действовать по принципу: устраняем проблему, но не при сви-

детелях. В случае с новоиспеченным сомнительным женихом – «устраиваем» в прямом смысле.

Впервые я засомневалась, а кого, собственно, надо спасать: отца, дракона или кабинет? Судя по звукам, доносившимся из-за двери, последний.

Ко мне, стоявшей в коридоре в глубоких раздумьях и прислушивающейся, тихонечко, крадучись, подошла Сита с подносом. Видимо, горничная несла послеполуденный чай отцу.

Дзинь! Раздался характерный звон разбившихся вдребезги надежд на мирную беседу.

– Что там происходит? – боязливо спросила служанка.

Дзинь! Послышалось из-за дверей снова.

– У отца гость, и, кажется, они дошли в своем разговоре до обсуждения коллекции хрусталя... – прокомментировала я под шум, и тут, судя по звукам, упало что-то монументальное.

– О, уже до прадеда дошли...

Потому как так гулко могла звучать только урна с его прахом.

Снова грохот, но уже другой тональности.

– До сейфа дошли...

– До соглашения, что витраж в кабинете отвратительный и его стоит заменить...

Удар, от которого пошла вибрация по полу.

– И кажется, что внешней стене не помешает еще одно окно...

Сита тихонечко задрожала, посмотрела на меня умоляюще, протянула поднос и попросила:

– Мисс Файн, не могли бы вы передать отцу чай... Пожалуйста! – И столько отчаяния звучало в ее голосе, что я пожалела служанку.

– Хорошо. – Я приняла поднос из рук горничной. А затем могла наблюдать, как девушка, подхватив юбки, трусой несется прочь по коридору.

Эх... Вот что значит недавно в нашем доме!

Тот, кто проработал на герцога Файна хотя бы пару лет, становился невозмутимее любого каменного надгробия! Кирха, например, которая уже много лет трудилась на нашей кухне, была столь спокойна, что, сдается, разбуди ее среди ночи умертвие с намерением сожрать, она бы огрела его скалкой, раскатала в тонкий пласт, сунула в духовку и, зевнув, пошла бы в постель досыпать. Да что там зомби!

Душевное спокойствие Кирхи не могла поколебать даже самая нервно-животрепещущая в мире вещь – сплетни! Однажды я нечаянно услышала, как садовник делился с Кирхой слухами о том, что у соседей личная камеристка госпожи спит сразу и с хозяином, и с дворецким. На что наша кухарка, флегматично помешивая суп, отозвалась:

– Да какая разница, кто с кем спит! Лишь бы высыпались!

Впрочем, не только она одна работала в нашем доме давно. Почти все слуги. Ну, кроме горничных. Они менялись с завидной регулярностью. Ну не приживались они, как ас-

фальт на дорогах столицы. И если последний отвергала земля ринкорская, то служанок – лично герцогиня Файн.

Матушка была не то чтобы ревнива, а, скажем так... предусмотрительна. И если ей казалось, что новая горничная может как-то заинтересовать герцога и повредить ее положению, а точнее комфорту, статусу, привилегиям, которыми она пользовалась как госпожа Файн, то девушку тут же увольняли под любым предлогом. И плевать, что горничные не были писаными красавицами и с хозяином не заигрывали, а просто выполняли свою работу... Мать это не волновало. Будь ее воля, она бы наняла столетнюю старуху. Но тут уже возразил бы отец.

Я печально посмотрела вслед скрывшейся горничной. Эх, похоже, и Сита в нашем доме ненадолго. Жаль. А я только начала к ней привыкать...

С этими мыслями толкнула дверь плечом, а потом ловко уклонилась от просвистевшего над макушкой аркана и, распрямившись, невозмутимо продолжила шествие к стол... тому, что осталось от стола.

Глядя на разгром, я совершенно четко поняла: герцог пожелал объяснить наглому гостю, посмевавшему претендовать на мою руку и кошелек в обход отцовского согласия, как тот опрометчиво поступил, самым доступным из способов – попытавшись схинца прибить. К печали отца, дракон оказался неубиваемым. И это еще папа не знал, что Стилет к тому же непотопляемый. И что-то мне подсказывало, что и несгора-

емый тоже... Дракон ведь как-никак!

– Вижу, у вас тут жарко... – приподняв бровь, заметила я.

В противовес моим словам из пролома в стене в этот момент как раз подул ледяной ветер. Бр-р-р. Аж до костей пробрало.

– Дочка, – вкрадчиво, тоном «ты где откопала такого живучего гада?» обратился ко мне отец, – а как ты познакомилась с господином Дарквардом Брандфилдом?

Надо же... а они, оказывается, и представиться друг другу успели...

– Сегодня, на защите моего диплома, – просветила я отца.

– Ваша дочь отлично защищалась, – вставил дракон. – Причем так блестяще, что председателю комиссии пришлось уйти в глухую оборону, а затем и вовсе вывесить белый флаг.

При этих словах хмурое, как штормовое небо, лицо отца превратилось в просто грозное.

– Ты стала первой? – требовательно спросил он. Таков был мой отец. Всегда. Для него результат, когда хоть один твой соперник оказался на финише впереди тебя, – не результат, а проигрыш.

– Она была лучшей, – не дав сказать мне и слова, опередил Стилет, удостоившись недовольного взгляда герцога. И – что возмутило моего отца – не убоявшись этого самого взгляда. Ни на йоту.

– С тобой, дочь, у нас еще будет *особый* разговор. А пока же... Из беседы с Брандфилдом я...

– Кнэйсом Брандфилдом, – поправил дракон.

Отца перекосило. Видимо, как кнэйс схинец бесил отца еще больше, чем просто Брандфилд.

Пусть я владела схинским на уровне насильвателя (до носителя, мне, увы, было еще далеко), скудных знаний хватило, чтобы понять: я вляпалась не в простого агента разведки. И даже не в мелкопоместного аристократа. Передо мной стоял на всю голову элитнутый дракон. Приближенный к схинскому императору. Потому что кнэйс у наших восточных соседей был вторым по значимости титулом после императора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.